13 L 52
P
N 3
ex

Le Sage,

Gil Blas de Santillana

Tom 1 – 8.

St. Petersburg 1819 – 21.

ЖИЛЪ ЛАЗЪ

ДЕ

САНТИЛЛАНА.

Сочиненіе Лесажа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Морской Типографіи.
1819 года.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Мая 8 дня 1819 года.

Цензоръ, Стат Совѣт. и Кавалеръ Иванъ Тимковской.

Отъ Сочинителя.

Есть много такихъ людей, которые не могутъ читать, не примѣняя встрѣчающихся въ сочиненіяхъ порочныхъ или глупыхъ характеровъ къ самимъ себѣ. Объявляю симъ злобнымъ читателямъ, что они очень грубо ошибутся, если станутъ относить къ себѣ изображенія, въ книгѣ моей находящіяся. Торжественно признаюсь, что я имѣлъ въ виду представить жизнь человѣческую такою, какова она есть. Избави Боже, чтобъ захотѣлъ я выставить на сце-

ну чье нибудь лице въ особенности! Никто изъ читателей не долженъ принимать на свой счетъ то, что можетъ относиться къ другимъ столько же, какъ и къ нему; въ противномъ случаѣ, по словамъ Федра, онъ выкажетъ себя весьма не кстати: *Stultè nudabit animi conscientiam.*

Въ Кастилліи, равно какъ и во Франціи, есть врачи, принявшіе за правило слишкомъ неумѣренно пускать кровь больнымъ своимъ. Вездѣ встрѣчаемъ мы одинакіе пороки, одинакія слабости. Признаюсь, что я не всегда слѣдовалъ въ точ-

ности Испанскимъ нравамъ. Кто знаетъ, какую жизнь ведутъ Мадритскія актрисы, тотъ можетъ упрекнуть меня, что я не довольно сильно описалъ распутство ихъ; но мнѣ вздумалось немного посмягчить его, чтобы принаровить къ образу жизни моихъ соотечественниковъ.

Жилблазъ къ Читателю.

Прежде, нежели приступишь къ исторіи моей жизни, я разскажу тебѣ, любезный читатель, маленькую повѣсть.

Два школьника шли вмѣстѣ изъ Пеннафіэля въ Саламанку. Почувствовавъ усталость и жажду, остановились они у одного источника, который нашли на дорогѣ. Они напились изъ него, и сѣвши отдохнуть, примѣтили въ нѣкоторомъ разстояніи, на высунувшемся изъ земли камнѣ, какія-то слова, не

много изглаженныя отъ времени и отъ слѣдовъ стадъ, которыхъ приводили на водопой къ сему источнику. Они обмыли камень водою, и прочли слѣдующую Кастильскую надпись: *A qui està encerrada el alma del Licenciado Pedro Garcias.* „Здѣсь заключена душа Лиценціата Петра Гарціаса.“—

Младшій изъ школьниковъ, живой и вѣтреной малой, не дочитавъ еще надписи, захохоталъ изо всей мочи и сказалъ: „Что можетъ быть смѣшнѣе этаго? — Здѣсь заключена душа . . . . Душа заключена . . . . Желалъ бы я знать,

что за чудакъ написалъ такую глупую эпитафію!“ —При сихъ словахъ, онъ всталъ и пустился опять въ дорогу. Товарищъ его, будучи разсудительнѣе, подумалъ: тутъ есть какая нибудь тайна; постараюсь открыть ее. Оставшись одинъ, и не теряя времени, принялся онъ обкапывать ножемъ вокругъ камня, и до тѣхъ поръ трудился, пока не поднялъ его. Онъ нашелъ подъ нимъ кожаной мѣшокъ, и открывъ его увидѣлъ сто червонныхъ и бумажку, на которой написано было по Латынѣ: *Будь моимъ наслѣдникомъ*, ты,

который имѣлъ столько ума, чтобы разобрать смыслъ надписи, и сдѣлай изъ денегъ моихъ лучшее, противъ моего, употребленіе. Школьникъ, обрадованный такимъ открытіемъ, положилъ камень на прежнее мѣсто, и пошелъ съ душею Лиценціата въ Саламанку.

Кто бы ты ни былъ, любезный читатель, будешь похожъ на того, или другаго изъ двухъ школьниковъ. Если прочтешь приключенія мои, не обративъ вниманія на нравоученія, въ нихъ содержащіяся: то не получишь никакого плода отъ этой

книги; если же прочтешь ее со вниманіемъ, то найдешь въ ней, по правиламъ Горація, смѣсь полезнаго съ пріятнымъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Стр.

ГЛ. I. О рожденіи и воспитаніи Жилблаза. - - I.

— II. Чего испугался Жилблазъ на Пеннафлорской дорогѣ; что дѣлалъ, пріѣхавши въ Пеннафлоръ; и съ какимъ человѣкомъ ужиналъ. - - - - - - - II.

— III. Объ искушеніи, въ которое пришелъ извощикъ на дорогѣ; слѣдствіе того; и какъ Жилблазъ, избѣгая одной бѣды, попалъ въ другую. - - - - - - 36.

ГЛ. IV. Описаніе подземелья; и что тамъ Жилблазъ увидѣлъ. - - - - - 47
— V. О прибытіи другихъ разбойниковъ въ подземелье, и о пріятномъ разговорѣ, который былъ между ими. - - 56
— VI. Жилблазъ покушается уйти: какой имѣлъ онъ въ этомъ успѣхъ. 80
— VII. Что Жилблазъ почелъ нужнымъ сдѣлать. - 96
— VIII. Жилблазъ выѣзжаетъ съ разбойниками. Подвигъ, оказанный имъ на большой дорогѣ. - 9
— IX. О важномъ дѣлѣ, которое было послѣ сего приключенія. - - 10
— X. Какъ поступали разбойники съ госпожею; какое предпріятіе дѣ-

лаетъ Жилблазъ и
чѣмъ оно кончилось. - 114.
ГЛ. XI. Исторія Донны Менціи де Москеры. - - 133.
— XII. Какимъ непріятнымъ образомъ былъ прерванъ разговоръ Жилблаза съ госпожею. - 157.
— XIII. Какой случай освободилъ Жилблаза изъ тюрьмы, и куда онъ пошелъ. - - - - - 170.
— XIV. Какой пріемъ сдѣлала въ Бургосѣ Жилблазу Донна Менція. - - - 181.
— XV. Какъ нарядился Жилблазъ; какой еще получилъ подарокъ отъ Донны Менціи; и въ какомъ состояніи поѣхалъ изъ Бургоса. - 193.
— XVI. Учитъ, что не долж-

но полагаться на счастіе. - - - - - - 208.
ГЛ. XVII. Что вздумалъ сдѣлать Жилблазъ послѣ своего несчастія. - - - 228.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛ. I. Фабрицій приводитъ Жилблаза къ Лиценціату Седилло, который принимаетъ его къ себѣ въ домъ. Въ какомъ состояніи былъ этотъ Каноникъ. Портретъ его управительницы. - - - - 25
— II. Каноникъ занемогъ; какъ его лѣчили; что съ нимъ отъ того сдѣлалось; и что отказано Жилблазу въ духовной. - - - - 2

Гл. III. Жилблазъ вступаетъ въ службу къ Доктору Санградо, и дѣлается славнымъ лѣкаремъ. 296.

— IV. Жилблазъ продолжаетъ лѣчить съ большимъ успѣхомъ. Какъ нашелся его перстень. - - - - - - 317.

ЖИЛБЛАЗЪ
ДЕ
САНТИЛЛАНА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

О рожденіи и воспитаніи Жилблаза.

Блазъ де Сантиллана, отецъ мой, долго служилъ въ военной службѣ, и, возвратясь на свою родину, женился на дочери одного мѣщанина, которая была уже въ лѣтахъ. Чрезъ десять мѣсяцевъ послѣ свадьбы родился я. Бѣдность заставила ро-

дителей моихъ переселиться въ Овіедо, и наняться въ услуженіе: отецъ мой сдѣлался женскимъ надзирателемъ *), а мать надзира-

*) *Женскій надзиратель (Escudero).* Онъ обязанъ провожать госпожу на гулянье, въ гости, въ церковь и въ театръ, въ экипажѣ, верьхомъ, или пѣшкомъ. Каждая Испанка, которой вздумается хоть немного блеснуть, имѣетъ такого *Escudero*. Чѣмъ знатнѣе дама, тѣмъ и надзиратель лучшаго состоянія, и тѣмъ болѣе получаетъ онъ жалованья. Хотя простодушные мужья и надѣются, что сіи надзиратели не только въ церемоніальномъ, но и въ нравственномъ смыслѣ служатъ проводниками женамъ ихъ, однакожь

тельницею *). Они жили однимъ жалованьемъ, и я

они гораздо чаще и охотнѣе угождаютъ симъ послѣднимъ и способствуютъ имъ въ любовныхъ интригахъ.

*) *Надзирательница* (*Duenna*) имѣетъ почти тѣ же самыя обязанности, какъ и *женскій надзиратель* (*Escudero*). Такія надзирательницы находятся какъ при замужнихъ, такъ и незамужнихъ дамахъ. Въ эту должность вступаютъ обыкновенно или прежнія кормилицы молодыхъ госпожъ, и потому самому бываютъ онѣ къ нимъ снисходительнѣе и услужливѣе прочихъ; или избираются самими мужьями; но и сіи послѣднія столь же искусно ихъ обманываютъ, какъ и первыя.

получилъ бы самое худое воспитаніе, еслибъ не имѣлъ дяди, который былъ въ томъ же городѣ Каноникомъ. Онъ назывался Жилъ Перецъ, и былъ старшій братъ моей матери, а мнѣ крестный отецъ. Представьте себѣ человѣка ростомъ въ полтора аршина, чрезвычайно толстаго и совсемъ безъ шеи — вотъ мой дядя! Получая порядочный доходъ отъ своего мѣста, онъ заботился только о томъ, какъ бы жить въ свое удовольствіе, то есть, сладко ѣсть и пить.

Онъ взялъ меня къ себѣ еще ребенкомъ, въ намѣреніи дать мнѣ хорошее воспита-

ніе. Я показался ему такимъ острымъ, что онъ рѣшился обработать мой разумъ: купилъ мнѣ азбуку, и началъ самъ учить меня грамотѣ. Это было полезно и для меня и для него: показывая мнѣ буквы, онъ самъ учился чтенію, которое прежде пренебрегалъ, и наконецъ прилежаніемъ своимъ дошелъ до того, что сталъ читать свой молитвенникъ довольно бѣгло, чего до тѣхъ поръ никогда не могъ дѣлать.

Ему хотѣлось бы также самому учить меня и по Латынѣ: отъ этаго оставались бы у него въ карманѣ тѣ деньги, которыя должно бы-

лъ платить учителю, но, увы! бѣдный Жилъ Перецъ не зналъ и первыхъ основаній Латинскаго языка; и, кажется, (сказать утвердительно я не могу) былъ самой большой невѣжда изъ всѣхъ своихъ товарищей. Мнѣ сказывали, будто бы саномъ своимъ онъ былъ обязанъ не учености, а однѣмъ добрымъ монахинямъ, которыя, изъ благодарности за хорошее исполненіе какихъ-то порученій, упросили, чтобъ сдѣлали его Каноникомъ безъ надлежащаго испытанія.

И такъ дядя мой нашелъ для меня учителя, Доктора Годинеца, который почи-

шался въ Овіедо за самаго искуснаго педанта. Я возпользовался наставленіями его такъ хорошо, что черезъ пять или шесть лѣтъ могъ нѣсколько разумѣть Греческихъ авторовъ, а Латинскихъ стихотворцевъ понималъ довольно хорошо. Занимался также съ большимъ прилежаніемъ Логикою; она научила меня слишкомъ много разсуждать и сдѣлала такимъ спорщикомъ, что я останавливалъ прохожихъ и заводилъ съ ними диспуты. Иногда случалось мнѣ нападать на такихъ людей, которые и сами любили поспорить. Тутъ-то надобно

было посмотрѣть на насъ: какъ махали мы руками! какія дѣлали гримасы и коверканья! глаза наши пылали яростію, ротъ былъ въ пѣнѣ, и насъ можно было скорѣе почесть за бѣшеныхъ, нежели за философовъ.

Всѣ въ городѣ называли меня ученымъ. Дядя мой восхищался: онъ думалъ, что можетъ скоро сбыть меня съ рукъ. „Ну, Жилблазъ,"— сказалъ онъ мнѣ однажды: —„теперь ты ужь не ребенокъ: пора стараться выдти въ люди. Я хочу послать тебя въ Саламанскій Университетъ; съ твоимъ умомъ ты можешь послѣ найти се-

бѣ хорошее мѣсто. На дорогу дамъ тебѣ денегъ и моего мула; ты продай его въ Саламанкѣ: онъ стоитъ около двѣнадцати пистолей, а этимъ можешь прожить и до тѣхъ поръ, пока сыщешь приличную для себя должность.

Такое предложеніе было мнѣ очень пріятно, потому что давно уже брала меня охота посмотрѣть свѣтъ. Однакожъ я не обнаруживалъ своей радости. Когда надобно было ѣхать, то притворился, что мнѣ очень жаль разстаться съ дядею, которому я столько обязанъ, и старикъ былъ такъ тро-

нутъ моею горестью, что далъ мнѣ денегъ болѣе, нежели сколько хотѣлъ дать прежде. — Передъ отъѣздомъ пошелъ я проститься съ отцемъ и съ матерью, которые надавали мнѣ множество наставленій. Приказывали молиться Богу за моего дядю, жить честно, а особливо не брать ничего чужаго. И наконецъ, послѣ всѣхъ родительскихъ увѣщаній, дали на дорогу свое благословеніе: кромѣ этаго ничего не льзя было ожидать отъ нихъ.— Я сѣлъ на мула, и выѣхалъ изъ города.

ГЛАВА II.

Чего испугался Жилблазъ на Пеннафлорской дорогѣ; что дѣлалъ, пріѣхавши въ Пеннафлоръ; и съ какимъ человѣкомъ ужиналъ.

И такъ очутился я на Пеннафлорской дорогѣ, посреди чистаго поля, господиномъ самаго себя, худаго мула и сорока добрыхъ червонцевъ, не включая въ то число мѣлкихъ денегъ, которыя укралъ у любезнаго дядюшки. Пустивъ мула идти какъ ему угодно (а ему всегда угодно было идти самымъ тихимъ шагомъ) и положивъ

узду къ нему на шею, вынулъ я изъ кармана червонцы, и принялся ихъ считать да пересчитывать. Не льзя изобразить моей радости: имѣя въ первый разъ отъ роду столько денегъ, безпрестанно я на нихъ смотрѣлъ и любовался. Я считалъ ихъ, можетъ быть, уже въ двадцатый разъ, какъ вдругъ мулъ, поднявши голову и уши, остановился посреди дороги. Я понялъ, что онъ чего-то испугался—осматриваюсь—вижу на земли опрокинутую шляпу, на которой лежали четки, и въ то же время слышу голосъ: „ахъ, сударь! сжальтесь ради Бога

надъ бѣднымъ изувѣченнымъ солдатомъ: бросьте въ шляпу сколько нибудь денегъ! Богъ васъ за то наградитъ!"... Оборотясь въ ту сторону, откуда слышанъ былъ голосъ, увидѣлъ я въ кустарникѣ, шагахъ въ двадцати отъ меня, солдата, который, положивъ предлинное свое ружье на палки, воткнутыя крестообразно въ землю, въ меня мѣтилъ. При этомъ видѣ пронялъ меня холодной потъ, однакожь я имѣлъ столько духу, чтобъ спрятать червонцы въ карманъ и вынуть вмѣсто ихъ нѣсколько реаловъ. Приближась къ шляпѣ, которая собирала

узду къ нему на шею, вынулъ я изъ кармана червонцы, и принялся ихъ считать да пересчитывать. Не льзя изобразить моей радости: имѣя въ первый разъ отъ роду столько денегъ, безпрестанно я на нихъ смотрѣлъ и любовался. Я считалъ ихъ, можетъ быть, уже въ двадцатый разъ, какъ вдругъ мулъ, поднявши голову и уши, остановился посреди дороги. Я понялъ, что онъ чего-то испугался—осматриваюсь—вижу на земли опрокинутую шляпу, на которой лежали четки, и въ то же время слышу голосъ: „ахъ, сударь! сжальтесь ради Бога

надъ бѣднымъ изувѣченнымъ солдатомъ: бросьте въ шляпу сколько нибудь денегъ! Богъ васъ за то наградитъ!"... Оборотясь въ ту сторону, откуда слышанъ былъ голосъ, увидѣлъ я въ кустарникѣ, шагахъ въ двадцати отъ меня, солдата, который, положивъ предлинное свое ружье на палки, воткнутыя крестообразно въ землю, въ меня мѣтилъ. При этомъ видѣ пронялъ меня холодной потъ, однакожь я имѣлъ столько духу, чтобъ спрятать червонцы въ карманъ и вынуть вмѣсто ихъ нѣсколько реаловъ. Приближась къ шляпѣ, которая собирала

милостыню съ испуганныхъ Христіянъ, началъ я бросать въ нее реалы одинъ за другимъ, чтобъ показать солдату мою щедрость. Онъ былъ ею доволенъ, и надавалъ мнѣ столько же благословеній, сколько разъ я билъ каблуками мула, чтобъ скорѣе отъ него убраться; но проклятая скотина, не смотря на мою нетерпѣливость, шла очень тихо: она всегда возила дядю моего шагомъ, и совсемъ отвыкла отъ галопу.

Изъ этаго случая заключилъ я, что въ путешествіи моемъ будетъ добра не много. Отъ Саламанки было еще

далеко, а со мною на дорогѣ могло случиться что нибудь и хуже. Дядя казался мнѣ очень безразсуднымъ, что не нанялъ для меня извощика. Правду сказать, ему бы и должно было это сдѣлать, но онъ воображалъ, что когда дастъ мнѣ своего лошака, то путешествіе мое будетъ стоить не такъ дорого, а объ этомъ онъ заботился болѣе, нежели объ опасностяхъ, которыя могли встрѣтиться со мною на дорогѣ. И такъ я рѣшился поправить его ошибку, и по пріѣздѣ въ Пеннафлоръ тотчасъ продать мула, а оттуда уже нанять извощика до Асторги и Саламанки.

Хотя я никогда не выѣзжалъ изъ Овіедо, однако зналъ имена́ городовъ, чрезъ которые долженъ былъ ѣхать: я освѣдомился о томъ предъ отъѣздомъ.

Въ Пеннафлорѣ остановился я у воротъ одного постоялаго двора, и едва успѣлъ сойти съ мула, какъ подбѣжалъ ко мнѣ хозяинъ, и обошелся очень учтиво: самъ отвязалъ мой чемоданъ, и взваливъ его къ себѣ на плечи, просилъ меня войти въ комнату. Между тѣмъ одинъ изъ его работниковъ повелъ моего мула въ конюшню. — Хозяинъ, величайшій болтунъ во всей Астуріи,

всегда готовый разсказывать о собственныхъ своихъ дѣлахъ и любопытный до чужихъ, сказалъ мнѣ, что его зовутъ Андреемъ Коркуелло; что долго служилъ въ Королевской арміи сержантомъ, и что вышелъ въ отставку назадъ тому годъ и три мѣсяца, чтобъ жениться на одной дѣвушкѣ изъ Кастропола, которая хотя и смугла, однакожъ заманиваетъ въ его домъ довольно молодёжи. Послѣ того насказалъ еще множество вещей, безъ которыхъ бы я очень могъ обойтись. Сдѣлавъ мнѣ такую довѣренность, господинъ Коркуелло вздумалъ,

что и онъ въ правѣ спросить у меня, кто я, куда ѣду, откуда, и проч. При всякомъ вопросѣ дѣлалъ онъ по низкому поклону, и просилъ, чтобъ я извинилъ его любопытство, съ такою учтивостью, съ такимъ почтительнымъ видомъ, что я не могъ ничего о себѣ умолчать. Это завело меня съ нимъ въ большой разговоръ, и подало случай сказать, что мнѣ хочется продать моего мула, и по какой причинѣ. Похваливъ мое намѣреніе, пустился онъ самымъ пространнымъ образомъ говорить о всѣхъ непріятностяхъ, которыя могутъ

встрѣтиться на дорогѣ, и разсказалъ мнѣ о многихъ несчастныхъ случаяхъ, бывшихъ съ путешественниками. Мнѣ казалось, что онъ никогда не кончитъ. Однакожь кончилъ, сказавши, что если хочу продать мула, то приведетъ ко мнѣ одного знакомаго барышника, который его, безъ сомнѣнія, купитъ. Я поблагодарилъ, и онъ тотчасъ побѣжалъ искать его.

Чрезъ нѣсколько времени онъ возвратился вмѣстѣ съ своимъ знакомцемъ, и всячески выхвалялъ его честность. Мы вышли всѣ трое на дворъ, куда вывели и му-

ла. Его водили передъ нами, а барышникъ осматривалъ его съ головы до ногъ. Тотчасъ началъ онъ находить въ немъ недостатки. Признаюсь, что объ немъ не льзя было сказать много добраго, но еслибъ на мѣстѣ его былъ и Папской оселъ, то его бы также разхулили. Барышникъ говорилъ, что въ скотинѣ моей были всѣ возможные пороки, и, чтобъ лучше меня увѣрить, ссылался на трактирщика, который, безъ сомнѣнія, имѣлъ свои причины съ нимъ соглашаться.— „А что вы хотите за эту негодную скотину?“ — спросилъ онъ наконецъ съ холод-

нымъ видомъ. Послѣ похвалы, которую онъ сдѣлалъ мулу, и послѣ свидѣтельства господина Коркуелло, который казался мнѣ человѣкомъ честнымъ и знатокомъ, я готовъ былъ отдать его за безцѣнокъ, и потому сказалъ купцу, что полагаюсь на его совѣсть, и соглашаюсь взять то, во что онъ его оцѣнитъ. Онъ отвѣчалъ, что говоря о совѣсти, я тронулъ его слабую сторону. И дѣйствительно она была довольно слаба: вмѣсто того, чтобъ оцѣнить мула, какъ мой дядя, въ двѣнадцать пистолей, онъ не постыдился предложить мнѣ только три чер-

вонца, которые однакожь я взялъ съ такою радостью, какъ будто бы получилъ большой барышъ.

Продавши мула, пошелъ я съ трактирщикомъ къ одному извощику, который хотѣлъ на другой день ѣхать въ Асторгу. Онъ сказалъ мнѣ, что отправляется передъ разсвѣтомъ, и обѣщался разбудить меня. Я условился въ цѣнѣ, и потомъ пошелъ вмѣстѣ съ господиномъ Коркуелло на постоялый дворъ. Дорогою сталъ онъ разсказывать мнѣ исторію этаго извощика, и что объ немъ говорятъ въ городѣ. Онъ надоѣлъ бы мнѣ снова своимъ

болтаньемъ, еслибъ, по счастію моему, не встрѣтился съ нимъ какой-то человѣкъ хорошаго виду, который подошедши къ нему, началъ разговаривать очень учтиво. Я оставилъ ихъ вмѣстѣ, и продолжалъ свою дорогу, ни мало не подозрѣвая, что предметомъ ихъ разговора былъ я.

Пришедши на постоялый дворъ, я велѣлъ подать себѣ ужинъ. День былъ постной. Мнѣ стали дѣлать яишницу. Между тѣмъ я завелъ разговоръ съ хозяйкою, которой прежде не видѣлъ. Она была не дурна собою и обходилась очень ласково. Я

могъ догадаться (еслибъ мужъ ея этаго и не сказывалъ), что у нее въ домѣ безъ гостей не бываетъ. Когда приготовили яишницу, я сѣлъ одинъ за столъ, и не успѣлъ съѣсть перваго куска, какъ вошелъ хозяинъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, который остановилъ его на улицѣ. Онъ былъ лѣтъ тридцати и имѣлъ предлинную шпагу. Подбѣжавши ко мнѣ, вскричалъ онъ: „ахъ, милостивый государь, я узналъ, что вы господинъ Жилблазъ де Сантиллана, украшеніе города Овіедо и свѣтильникъ Философіи! Возможно ли! вы тотъ ученѣйшій и остро-

умнѣйшій человѣкъ, котораго всѣ здѣсь такъ хвалятъ! Вы не знаете — продолжалъ онъ оборотясь къ хозяину и хозяйкѣ,—вы не знаете, какое сокровище имѣете у себя въ домѣ: этотъ молодой дворянинъ осьмое чудо свѣта!“ Потомъ, кинувшись обнимать меня: „извините мое восхищеніе! прибавилъ онъ;— отъ радости, что васъ вижу, я не въ силахъ владѣть собою!“

Не скоро могъ я отвѣчать ему: онъ жалъ меня такъ сильно, что я едва переводилъ духъ. Когдажъ онъ освободилъ меня отъ своихъ объятій, то я сказалъ ему:

„не думалъ, сударь, что имя мое извѣстно въ Пеннафлорѣ.“—Какъ не быть извѣстнымъ! вскричалъ онъ: мы ведемъ реестръ всѣмъ славнымъ людямъ, которые живутъ на двадцать миль вокругъ нашего города. Васъ считаютъ чудомъ, и я увѣренъ, что со временемъ Испанія будетъ гордиться Жилблазомъ столько же, какъ Греція семью мудрецами. — Сказавши это, опять бросается ко мнѣ на шею съ такимъ жаромъ, что едва не подвергнулся я судьбѣ Антея. Еслибъ во мнѣ было сколько нибудь опытности, то онъ не обманулъ бы меня

своими чрезмѣрными похвалами; я тотчасъ примѣтилъ бы по низкой лести его, что принадлежитъ онъ къ числу тѣхъ объѣдалъ, которые находятся во всѣхъ городахъ, и которые узнавъ, что пріѣхалъ иностранецъ, стараются подбиться къ нему, чтобъ на его счетъ поѣсть и попить. Но молодость и самолюбіе заставляли меня судить иначе. Новый мой знакомецъ показался мнѣ самымъ честнымъ человѣкомъ, и я пригласилъ его отужинать вмѣстѣ со мною. „Съ величайшимъ удовольствіемъ! вскричалъ онъ: я желаю видѣть какъ можно долѣе сла-

внаго Жилблаза де Сантиллану. Мнѣ ѣсть не хочется, продолжалъ онъ, но я сяду за столъ, чтобъ съ вами побесѣдовать, и съѣмъ чего нибудь только изъ угожденія къ вамъ."

Говоря такимъ образомъ, садится онъ напротивъ меня. Когда принесли ему приборъ, то онъ бросился на яишницу съ такою жадностію, какъ будто дня три не ѣлъ. Увидя, какъ принялся онъ угождать мнѣ, я разсудилъ, что яишницы скоро не станетъ, и заказалъ другую. Ее приготовили такъ скоро, что поставили на столъ еще тогда, какъ мы, или лучше

сказать, какъ онъ первую оканчивалъ. Онъ поступилъ и съ этою точно также, и между тѣмъ говорилъ мнѣ похвалу за похвалою: что очень льстило моему самолюбію. Пилъ онъ также часто: то за мое здоровье, то за здоровье моего отца и матери, которыхъ называлъ очень счастливыми, что имѣютъ такого сына. Иногда наливалъ онъ и мнѣ вина, упрашивая, чтобъ я пилъ вмѣстѣ съ нимъ; я не отказывался; наконецъ вино и похвалы моего новаго пріятеля такъ меня развеселили, что, видя нашу яишницу при концѣ, я спросилъ у хо-

зяина, нѣтъ ли у него рыбы? Господинъ Коркуелло, который повидимому сговорился съ объѣдалою, отвѣчалъ: Есть у меня форель— и форель славная—да она не дешева: для васъ такой кусокъ будетъ слишкомъ жиренъ. „Жиренъ?.. подхватилъ мой льстецъ: вотъ хорошо! въ умѣ ли ты?... Знай, дружокъ, что господинъ Жилблазъ де Сантиллана стоитъ, чтобъ его угощали какъ Принца.“

Мнѣ пріятно было, что онъ придрался къ словамъ хозяина; я самъ хотѣлъ было это сдѣлать. Почитая себя обиженнымъ, сказалъ я

гордо Коркуеллу: „прошу подать вашу форель, а о прочемъ не заботиться.“ Хозяинъ, который только того и ждалъ, велѣлъ приготовить форель, и тотчасъ поставилъ ее на столъ. При появленіи новаго кушанья, радость заблистала въ глазахъ моего объѣдалы, и онъ опять началъ угождать мнѣ, то есть, началъ утирать рыбу за обѣ щеки; но напослѣдокъ принужденъ былъ перестать, потому что ужь болѣе въ него не лезло. Напившись и наѣвшись до сыта, онъ вздумалъ кончить комедію. „Господинъ Жилблазъ, сказалъ онъ вставая изъ за стола,

вы меня такъ хорошо угостили, что я былъ бы неблагодаренъ, еслибъ оставилъ васъ, не давши добраго совѣта, въ которомъ, кажется, вы имѣете нужду. Бойтесь похвалъ, и не вѣрьте тому, кого вы не знаете. Вы можете встрѣтить многихъ, которые захотятъ, также какъ и я, повеселиться на счетъ вашего легковѣрія, и даже получить отъ васъ больше, нежели я. Не давайте себя дурачить, и не вѣрьте, когда вамъ скажутъ, что вы осьмое чудо свѣта." Сказавши, захохоталъ и ушелъ.

Этотъ обманъ былъ мнѣ

также чувствителенъ, какъ и самыя величайшія несчастія, которыя послѣ того со мной случались. Я не могъ утѣшиться, что далъ обмануть себя такъ грубо, или лучше сказать, самолюбіе мое жестоко страдало. Какъ! думалъ я: этотъ плутъ насмѣхался надо мною? Онъ подходилъ къ хозяину только за тѣмъ, чтобъ выспросить обо мнѣ, и они оба сговорились обмануть меня! Ахъ, бѣдной Жилблазъ! какъ показаться тебѣ на свѣтъ послѣ того, что ты самъ подалъ причину этимъ мошенникамъ надъ тобою смѣяться? Они пожалуй разска-

жутъ всѣмъ эту исторію; она дойдетъ въ Овіедо и принесетъ тебѣ большую честь. Каково будетъ отцу твоему и матери, когда узнаютъ, что давали столько наставленій дураку? Ахъ, вмѣсто совѣта, чтобъ я никого не обманывалъ, они бы должны были мнѣ твердить, чтобъ я самъ въ обманъ не давался!—Въ такихъ горестныхъ размышленіяхъ и въ великой досадѣ заперся я въ своей комнатѣ и легъ въ постель, но никакъ не могъ заснуть. Я не смыкалъ еще глазъ, какъ пришелъ извощикъ и сказалъ, что все готово къ отъѣзду. Я тот-

часъ всталъ, и между тѣмъ какъ одѣвался, пришелъ Коркуелло со счетомъ, въ которомъ форель не была забыта. Мнѣ должно было заплатить все по его требованію, и къ величайшей досадѣ видѣть еще, что бездѣльникъ помнилъ вчерашнее происшествіе. Заплативши очень дорого за ужинъ, который былъ такъ нездоровъ для моего самолюбія, пошелъ я съ моимъ чемоданомъ къ извощику, и дорогою проклиналъ и объѣдалу, и трактирщика, и весь трактиръ его.

~~~~~
~~~~~

ГЛАВА III.

Объ искушеніи, въ которое пришелъ извощикъ на дорогѣ; слѣдствіе того; и какъ Жилблазъ, избѣгая одной бѣды, попалъ въ другую.

Я былъ не одинъ съ извощикомъ. Съ нами поѣхали два мальчика изъ Пеннафлора, малорослый Мондонедскій пѣвчій, и мѣщанинъ съ женою, который недавно обвѣнчался съ нею въ Верко и ѣхалъ на свою родину, въ Асторгу. Мы всѣ скоро познакомились, и каждой разсказывалъ, откуда и куда

ѣдетъ. Новобрачная была молода, но такъ черна и такъ непривлекательна, что я не очень ею любовался. Однакожь молодость ея и дородность понравились извощику, и онъ захотѣлъ сдѣлать покушеніе на ея прелести. Цѣлый день обдумывалъ онъ свой планъ, и отложилъ исполненіе его до послѣдняго ночлега. Это случилось въ Какабелосѣ. Онъ остановился передъ первымъ постоялымъ дворомъ. Домъ былъ почти въ полѣ, а въ скромности и услужливости хозяина извощикъ былъ совершенно увѣренъ. Намъ отвели самую дальную комнату, и

мы разположились тамъ ужинать. При концѣ стола вбѣжалъ къ намъ извощикъ въ бѣшенствѣ. ,,Ахъ, бездѣльники! закричалъ онъ: вы меня обокрали! У меня въ кожаномъ мѣшкѣ было сто пистолей, а теперь ихъ нѣтъ!... да я имъ не дамъ пропасть! Сей часъ побѣгу къ судьѣ; онъ шутить не любитъ: велитъ всѣхъ васъ сѣчь до тѣхъ поръ, пока не отдадите мнѣ мои деньги!" Сказавши это, онъ вышелъ, и оставилъ насъ въ чрезвычайномъ изумленіи.

Намъ не пришло на умъ, что онъ притворялся: потому что никто изъ насъ другъ друга хорошо не зналъ. Я

даже подозрѣвалъ, что деньги укралъ пѣвчій, а онъ, можетъ быть, почиталъ меня воромъ. Впрочемъ, всѣ мы были очень молоды и неопытны, не знали, какъ поступаютъ въ судахъ при такомъ случаѣ: намъ казалось очень вѣроятно, что насъ тотчасъ примутся пытать. И такъ, отъ страху, побѣжали мы изъ комнаты: кто на улицу, кто въ садъ,— каждой искалъ спасенія въ побѣгѣ. И молодой мѣщанинъ испугался пытки: онъ спасался подобно Энею, не заботясь о дорогой своей супругѣ. Тогда извощикъ (я узналъ объ этомъ послѣ) ра-

дуясь, что хитрость его удалась, явился къ мѣщанкѣ, и старался воспользоваться случаемъ; но Астурійская Лукреція сдѣлала сильное сопротивленіе, и кричала во все горло: отвратительный видъ ея любовника придавалъ ей новыя силы. Крикъ ея былъ услышанъ дозоромъ, который по случаю шелъ въ это время мимо постоялаго двора. Солдаты вошли въ домъ и спрашивали, что за крикъ? Хозяинъ, который сидѣлъ тогда въ кухнѣ и пѣлъ пѣсни, притворился, будто ничего не знаетъ, но наконецъ принужденъ былъ проводить солдатъ въ ту ком-

нату, гдѣ кричала Астурійка. Они пришли очень кстати, потому что бѣдная женщина почти уже выбилась изъ силъ. Начальникъ патруля, человѣкъ сердитый и грубый, увидѣвъ въ чемъ дѣло, принялся тотчасъ колотить влюбленнаго извощика своею алебардою и ругать словами столь же благопристойными, какъ и поступокъ извощика. Этаго было не довольно. Онъ велѣлъ взять виновнаго подъ караулъ, и повелъ его къ судьѣ вмѣстѣ съ обиженною, которая, не смотря на свой безпорядокъ, хотѣла идти просить правосудія сама. Судья, выслу-

шавъ просительницу, и посмотрѣвъ на нее внимательно, нашелъ, что извощикъ не заслуживаетъ прощенія. Онъ велѣлъ его тотчасъ раздѣть и высѣчь при себѣ розгами. Потомъ приказалъ, чтобъ на другой день, если мужъ Астурійки не явится, двое полицейскихъ, на счетъ виновнаго, проводили просительницу въ Асторгу.

Что касается до меня, то испугавшись можетъ быть болѣе, чѣмъ другіе, побѣжалъ я на поле. Перешедши, не знаю сколько, луговъ и пустошей, перескакивая черезъ всѣ рвы, которые встрѣчались мнѣ на дорогѣ, добрал-

ся я до лѣсу. Тамъ хотѣлъ спрятаться въ самомъ густомъ кустарникѣ, какъ вдругъ наѣхали на меня два человѣка верьхами. Они закричали: „кто идетъ?“ а какъ отъ чрезвычайнаго страху не могъ я имъ отвѣчать ни слова, то подъѣхавши ко мнѣ ближе, и приставя каждый къ груди моей по пистолету, требовали, чтобъ я сказалъ имъ: кто я? откуда иду? что хочу дѣлать въ лѣсу? и безпрестанно твердили, чтобъ я говорилъ имъ правду. На такіе вопросы, показавшіеся мнѣ столько же пріятными, какъ и пытка, которою грозилъ намъ из-

вощикъ, я отвѣчалъ, что я молодой человѣкъ изъ Овіедо и ѣду въ Саламанку; разсказалъ имъ даже, что кто-то укралъ у извощика деньги, и признавался, что забѣжалъ въ лѣсъ, испугавшись пытки. Они захохотали выслушавъ мое объясненіе, изъ котораго увидѣли всю мою простоту, и одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: „не бойся ничего, другъ мой. Пойдемъ съ нами; мы отведемъ тебя въ безопасное мѣсто.“ Тутъ онъ велѣлъ мнѣ сѣсть за собою на лошадь, и мы поѣхали далѣе въ лѣсъ.

Я не зналъ, что думать о такой встрѣчѣ. Впрочемъ,

мнѣ казалось, что въ ней нѣтъ ничего худаго. Еслибъ эти люди, разсуждалъ я, были разбойники, то ограбили бы меня, а можетъ быть еще бы и убили. Должно полагать, что они здѣшніе дворяне, которые видя мою робость, сжалились надо мною, и везутъ къ себѣ домой. Скоро вышелъ я изъ заблужденія. Проѣхавъ въ лѣсу нѣсколько закоулковъ, остановились мы у пригорка и сошли съ лошадей. „Вотъ гдѣ мы живемъ"—сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ провожатыхъ. Я смотрѣлъ во всѣ стороны, но не видѣлъ никакого жилья. Между тѣмъ

они подняли большую опускную дверь, покрытую землею и хворостомъ: она закрывала входъ въ подземелье, куда лошади спустились сами собою. Благодѣтели мои пригласили меня войти туда вмѣстѣ съ ними, и потомъ опустили за собою дверь съ помощію веревокъ, которыя нарочно были къ ней для того привязаны. И такъ достойный племянникъ почтеннаго Жилъ Переца попался, какъ мышь, въ западню.

~~~~
~~~~

ГЛАВА IV.

Описаніе подземелья; и что тамъ Жилблазъ видѣлъ.

Тогда-то узналъ я, съ какими людьми находился. Я пересталъ уже бояться пытки, а вмѣсто того овладѣлъ мною ужасъ, который былъ гораздо болѣе и основательнѣе прежняго. Мнѣ казалось, что отнимутъ у меня и червонцы и жизнь. Проводники мои, примѣтивъ, что я дрожу, говорили мнѣ, чтобъ я ничего не боялся, но напрасно: я почиталъ себя жертвою, которую ведутъ

на закланіе, и шелъ ни живъ ни мертвъ. Безпрестанно спускаясь внизъ и поворачивая изъ одного прохода въ другой, очутились мы черезъ пять или шесть минутъ въ конюшнѣ, которая была освѣщена двумя желѣзными лампадами, повѣшенными на сводѣ. Въ ней было довольно соломы и множество бочекъ съ овсомъ. Двадцать лошадей могли бы тамъ свободно уставиться, но въ то время было только двѣ лошади, на которыхъ мы пріѣхали: старой арабъ привязывалъ ихъ къ яслямъ. Мы пошли далѣе, и при тусклом свѣтѣ нѣсколькихъ лам-

падъ, которыя освѣщали это мѣсто, казалось только для того, чтобъ представить весь его ужасъ, пришли въ кухню, гдѣ старуха жарила на угольяхъ мясо и приготовляла ужинъ. Подлѣ кухни, въ которой была вся нужная посуда, увидѣлъ я комнату съ разными припасами. Кухарка (я долженъ описать ее) была лѣтъ шестидесяти. Въ молодости имѣла она рыжіе волосы: это можно было примѣтить, ибо время не совсемъ еще покрыло ихъ сѣдиною. Лице ея было оливковаго цвѣта; подбородокъ острой, а губъ почти не было примѣтно;

надо ртомъ висѣлъ большой орлиной носъ: глаза же были самаго яркаго багреца.

,, Госпожа Леонарда — сказалъ одинъ изъ моихъ провожатыхъ, представляя меня этому адскому ангелу— вотъ какого молодца мы привели къ тебѣ!" Потомъ, оборотясь ко мнѣ, и увидѣвъ, что я блѣденъ какъ смерть, сказалъ: ,,чего ты боишся, другъ мой, мы тебѣ зла не сдѣлаемъ. Намъ былъ нуженъ человѣкъ, который бы помогалъ этой старушкѣ стряпать; и ты попался очень кстати. У насъ былъ прежде мальчикъ, да недѣли двѣ назадъ вздумалось ему умереть.

Онъ былъ слишкомъ нѣжнаго сложенія: ты кажешься мнѣ поздоровѣе, и умрешь не такъ скоро. Правда, что тебѣ не удастся ужь поглядѣть на солнышко, но за то будешь здѣсь въ теплѣ и сытъ. Ты станешь тутъ жить съ Леонардою: она старуха добрая. А ужь недостатка ни въ чемъ тебѣ не будетъ. Пойдемъ со мною, прибавилъ онъ, я тебѣ покажу, что мы не нищіе." Тутъ взялъ онъ свѣчу и велѣлъ мнѣ идти за собою. Мы пришли въ погребъ: тамъ увидѣлъ я множество закупоренныхъ бутылокъ и глиняныхъ горшковъ, въ кото-

рыхъ, по его словамъ, было самое лучшее вино. Потомъ водилъ онъ меня по комнатамъ. Въ однѣхъ лежали куски полотна, въ другихъ шелковыя и шерстяныя матеріи; въ иныхъ навалено было золото, серебро и разная дорогая посуда. Послѣ того привелъ онъ меня въ огромную залу, которая была освѣщена тремя мѣдными люстрами, и изъ которой былъ выходъ во всѣ покои. Здѣсь началъ онъ спрашивать, какъ меня зовутъ, и за чѣмъ поѣхалъ я изъ Овіедо. Когда я удовлетворилъ его любопытство, то онъ сказалъ мнѣ: „Ну, Жилблазъ, ты очень

счастливъ, что къ намъ попался: видно, братъ, что ты въ сорочкѣ родился! здѣсь жить славно: будешь ходить по уши въ серебрѣ и золотѣ. Притомъ же, здѣсь мѣсто самое безопасное. Наше подземелье такъ сдѣлано, что приставы святой Германдадъ *) хоть сто разъ при-

---

*) *Святая Германдадъ* (*La santa Hermandad*) или *святое братство*, корпусъ конныхъ полицейскихъ служителей, которыхъ обязанность состоитъ въ объѣздѣ всего Королевства дозоромъ: они должны очищать большія дороги и улицы отъ разбойниковъ и мошенниковъ, также наблюдать за тишиной и порядкомъ.

ходи въ этотъ лѣсъ, а насъ не сыщутъ. Входъ знаю только я и мои товарищи. Ты спросишь, можетъ быть, какимъ образомъ сдѣлали мы его такъ, что никто не примѣтилъ: но это, другъ мой, не наша работа. Когда Мавры завладѣли Гренадою, Аррагоніею и почти всею Испаніею, то Христіяне, которые не хотѣли покориться невѣрнымъ, убѣжали въ Бискаію и Астурію, куда также удалился и храбрый Пелагій. Они разсѣялись по горамъ и лѣсамъ. Иные жили въ пещерахъ, а другіе рыли для себя подземелья. Когда же Мавры были вы-

гнаны изъ Испаніи, то они возвратились въ города, а подземелья пригодились для нашей братьи. Правда, что святая Германдадъ нѣкоторыя изъ нихъ нашла и разорила, но еще осталось ихъ довольно, и я живу здѣсь, благодаря Бога, пятнадцать лѣтъ въ совершенной безопасности. Я называюсь Капитанъ Роландо, и имѣю начальство надъ прочими моими товарищами, изъ которыхъ одного ты видѣлъ со мною.

ГЛАВА V.

О прибытіи другихъ разбойниковъ въ подземелье, и о пріятномъ разговорѣ, который былъ между ими.

Когда господинъ Роландо пересталъ говорить, вошли въ залу шесть человѣкъ. Это былъ Порутчикъ съ пятью разбойниками, которые возвратились съ добычи. Они принесли двѣ корзины, наполненныя сахаромъ, корицею, перцомъ, фигами, миндалемъ и изюмомъ. Порутчикъ сказалъ Капитану, что отнялъ все это у одного

Беневентскаго купца, и что сверхъ того взялъ у него мула. Корзины отнесены были въ кладовую. Потомъ поставили посреди залы большой столъ, и послали меня въ кухню, гдѣ госпожа Леонарда разсказала мнѣ, что должно было дѣлать. Я покорился судьбѣ, и скрывъ горесть мою, приготовился служить этимъ честнымъ людямъ.

Сначала украсилъ я буфетъ серебренными кубками, и поставилъ кувшины съ виномъ, которое хвалилъ мнѣ господинъ Роландо; потомъ принесъ два

блюда рагу *), и лишь только поставилъ ихъ, то разбойники сѣли за столъ. Они ѣли съ большимъ аппетитомъ, а я, стоя позади, готовился наливать имъ вино. Должность мою отправлялъ я такъ хорошо, что заслужилъ всеобщую похвалу. Капитанъ разсказалъ товарищамъ своимъ мою исторію, которая ихъ очень позабавила, и прибавилъ, что

---

*) *Рагу (Olla podrida)*, національное Испанское кушанье, состоящее изъ дущенаго мяса всякаго рода, изрѣзаннаго на мѣлкіе куски; всего болѣе кладется туда свинаго сала.

я человѣкъ съ достоинствами; но я уже научился не вѣрить похваламъ, и слушать ихъ равнодушно. Тутъ всѣ они начали хвалить меня; говорили, что я въ тысячу разъ лучше моего предмѣстника, и умѣю наливать вино мастерски. А какъ по смерти его Донна Леонарда имѣла честь подносить нектаръ этимъ адскимъ богамъ, то они возложили на меня ея должность, и я, новый Ганимедъ, заступилъ мѣсто старой Гебы.

Послѣ рагу принесено было большое блюдо жареной говядины, которою разбойники совершенно утолили

свой голодъ, и какъ они безпрестанно пили вино, то скоро сдѣлались очень веселы и завели страшной шумъ. Всѣ заговорили вдругъ: одинъ разсказываетъ анекдотъ; другой отпускаетъ острыя слова; тотъ кричитъ, иной поетъ, и никто другъ друга не слушаетъ. Наконецъ Роландо, наскучивъ шумомъ, потому что и его словъ никто не слушалъ, приказалъ всѣмъ молчать. ,,Господа! сказалъ онъ повелительнымъ голосомъ: выслушайте мое предложеніе. Вмѣсто того, что мы говоримъ всѣ вдругъ, станемъ разговаривать порядочно. Мнѣ пришла на умъ

хорошая мысль. Съ тѣхъ поръ, какъ мы живемъ вмѣстѣ, мы не спрашивали еще другъ у друга, кто изъ какой фамиліи и какимъ образомъ пустился въ нашъ промыселъ. Это очень любопытно. Разскажемъ по дружески наши приключенія.“ Порутчикъ и всѣ разбойники согласились на то съ охотою, - какъ будто могли разсказать что нибудь хорошее, и Роландо началъ первый.

„У отца моего, богатаго Мадритскаго мѣщанина, только и было дѣтей, что одинъ я. Рожденіе мое принесло величайшую радость моему се-

мейству. Отецъ мой, который былъ уже старъ, восхищался видя у себя наслѣдника, и мать моя стала сама кормить меня грудью. Тогда былъ живъ еще и дѣдъ мой. Этотъ доброй старикъ зналъ только молиться по четкамъ и разсказывать о своихъ походахъ, потому что онъ долго былъ въ военной службѣ. Всѣ трое любили меня до крайности, и съ рукъ не спускали. Отъ страху, чтобъ ученье меня не замучило, давали мнѣ только играть. Отецъ мой говаривалъ, что дѣтей до тѣхъ поръ не надобно учить, пока разумъ ихъ нѣсколько не

созрѣетъ. Ожидая этой зрѣлости, меня не учили ни читать, ни писать. Однакожь я не былъ празденъ: отецъ училъ меня играть въ карты и въ кости, а дѣдъ пѣть военныя пѣсни о сраженіяхъ, въ которыхъ бывалъ самъ. Онъ пѣлъ мнѣ каждой день одинакія пѣсни, и если я, мѣсяца три повторяя десять или двѣнадцать стиховъ, пересказывалъ ихъ безъ ошибки, то всѣ удивлялись моей памяти. Отецъ и мать были не менѣе довольны и умомъ моимъ, когда я пользуясь свободою болтать, перебивалъ ихъ рѣчи и говорилъ имъ всякой

вздоръ. Ахъ, какъ онъ милъ! говаривалъ отецъ мой, смотря на меня съ нѣжностью. Мать цѣловала меня, а дѣдушка плакалъ отъ радости. Часто дѣлалъ я при нихъ самыя непристойныя шалости, но мнѣ все прощалось, потому что любили меня безъ памяти. Мнѣ было уже двѣнадцать лѣтъ, а учиться я еще не начиналъ. Наконецъ приставили ко мнѣ учителя, которому однако запретили меня наказывать. Ему было позволено только грозить мнѣ, если я стану лѣниться. Но это позволеніе принесло пользы не много: потому что я или насмѣхался надъ угро-

зами, или съ заплаканными глазами прибѣгалъ къ матери, и жаловался, что учитель меня бьетъ. Напрасно увѣрялъ онъ, что я лгу: ему не вѣрили, и называли его бѣшенымъ. Однажды, оцарапавши себя самъ, поднялъ я такой крикъ, будто бы съ меня кожу драли; прибѣжала мать моя и тотчасъ выгнала учителя изъ дому, хотя онъ клялся всѣми святыми, что до меня ничемъ не дотрогивался.

Такимъ образомъ поступали со всѣми моими учителями: наконецъ попался мнѣ одинъ по моему нраву. Онъ былъ Алкальской Баккалавръ, че-

ловѣкъ съ большими достоинствами: и волокита, и пьяница, и игрокъ. Мнѣ понравился онъ очень скоро, и меня отдали совершенно въ его волю. Онъ образовалъ меня въ короткое время, водивши въ тѣ мѣста, которыя самъ любилъ посѣщать, и которыя мнѣ чрезвычайно полюбились. Напослѣдокъ, видя, что я уже не имѣю болѣе нужды въ урокахъ, пошелъ онъ искать себѣ другихъ учениковъ.

День ото дня становился я развратнѣе: безпрестанно смѣялся надъ отцемъ и матерью, а они только забавлялись моею остротою, и

не могли надивиться моему разуму. Между тѣмъ я дѣлалъ разныя безпутства вмѣстѣ съ другими молодыми людьми. Отцы наши не давали намъ столько денегъ, сколько нужно было для нашихъ забавъ, и мы крали у нихъ все, что ни попадалось. Наконецъ и этаго было для насъ мало, и мы завели по ночамъ маленькой грабежъ. Къ несчастію узналъ о томъ Коррежидоръ *). Онъ хотѣлъ было насъ за-

---

*) *Коррежидоръ*, главный судья въ областяхъ, уѣздахъ и проч. Онъ имѣетъ также смотрѣніе и за полиціею.

хватить, но мы узнавши о такомъ зломъ его противъ насъ умыслѣ, убѣжали изъ города и начали воевать на большихъ дорогахъ. Съ тѣхъ-то поръ веду я единообразную жизнь: Богу было угодно, чтобъ я состарѣлся въ этомъ ремеслѣ, не смотря на сопряженныя съ нимъ опасности."

Послѣ Капитана началъ говорить Порутчикъ. „Я получилъ воспитаніе совсемъ другаго рода, нежели господинъ Роландо; но оно имѣло такое же дѣйствіе. Отецъ мой былъ Толедской мясникъ и настоящій живодеръ; а мать была не лучше его. Они

сѣкли меня за всякую бездѣлицу, не смотря на то, что я со слезами просилъ прощенія, и клялся не шалить впередъ. Мнѣ ничего не прощали, и очень часто колотили меня безъ всякой причины. Когда отецъ принимался меня бить, то мать прибѣгала помогать ему, какъ будто онъ одинъ не могъ со мною управиться. Это произвело во мнѣ такое омерзѣніе къ отцовскому дому, что я убѣжалъ изъ него. Мнѣ было четырнадцать лѣтъ. Я дошелъ до Сарагоссы, прося милостыни, а тамъ познакомился съ нищими, которые жили довольно

хорошо. Они выучили меня притворяться слѣпымъ и калѣкою, дѣлать на тѣлѣ фальшивыя раны, и прочее. По утру готовились мы выманивать у прохожихъ деньги, точно какъ актеры играть комедію; всякой шелъ на свое мѣсто; а ввечеру опять сходились и забавлялись на счетъ людей, отъ которыхъ въ тотъ день получили милостыню. Однакожь я наскучилъ такимъ худымъ обществомъ, и желая жить съ порядочными людьми, присталъ къ господамъ мошенникамъ. У нихъ научился я многимъ проворнымъ уловкамъ; но скоро намъ долж-

но было убраться изъ Сарагоссы, потому что поссорились съ однимъ полицейскимъ чиновникомъ, который прежде защищалъ насъ. Тогда всякой отправился куда ему было угодно, а я вступилъ въ число храбрыхъ людей, которые берутъ контрибуцію съ проѣзжихъ; и мнѣ такъ понравилось жить съ ними, что съ тѣхъ поръ я никогда не хотѣлъ перемѣнять моего состоянія. Я очень благодаренъ моимъ родителямъ за то, что они такъ худо со мною обращались: еслибъ они были поласковѣе, то теперь былъ бы я только бѣдной мясникъ, и

не имѣлъ бы чести быть вашимъ Порутчикомъ.“

„Мои приключенія гораздо страннѣе вашихъ — сказалъ потомъ одинъ молодой разбойникъ сидѣвшій между Роландомъ и Порутчикомъ. Я сынъ одной крестьянки, и родился не далеко отъ Севиллы. Спустя три мѣсяца послѣ моего рожденія, предложили матери моей кормить сына одного знатнаго Севильскаго жителя: она была еще молода, здорова и въ кормилицы очень годилась. Согласясь на предложеніе, она взяла ребенка, и примѣтивши въ немъ нѣкоторое сходство со мною,

вздумала вмѣсто его вскормить меня, въ надеждѣ, что со временемъ я не забуду ея благодѣянія. Отецъ мой, будучи не совѣстнѣе другихъ крестьянъ, одобрилъ это намѣреніе: и такъ, перемѣнивъ наши пеленки, отослала она сына Дона Родрига де Герреры къ другой кормилицѣ, а меня кормила подъ его именемъ.

Что ни говорятъ о силѣ родства, но отецъ и мать маленькаго дворянина легко дались въ обманъ. Они не имѣли никакого подозрѣнія о плутовствѣ, и до седьмаго году не спускали меня съ рукъ своихъ. Желая воспи-

тать меня какъ можно лучше, они приставили ко мнѣ учителей всякаго рода, но я имѣлъ очень мало склонности ко всѣмъ благороднымъ занятіямъ, а особливо къ наукамъ. Мнѣ было гораздо пріятнѣе играть съ лакеями, которыхъ я безпрестанно искалъ по кухнямъ и конюшнямъ. Семнадцати лѣтъ напивался я каждой день до пьяна и заигрывалъ со всѣми служанками. Больше всѣхъ обратила мое вниманіе одна толстая повариха. Веселой ея нравъ и дородность столько понравились мнѣ, что я почелъ ее достойною первой моей любви. Я обходился съ

нею такъ неосторожно, что самъ Донъ Родригъ это примѣтилъ. Онъ мнѣ выговаривалъ, бранилъ меня за низкія мои склонности, и опасаясь, чтобъ увѣщанія его не были напрасны, согналъ красавицу мою со двора.

Этотъ поступокъ мнѣ не полюбился, и я вздумалъ за то отомстить. Укравши у жены Дона Родрига всѣ алмазы, и прибѣжавъ къ моей Еленѣ, которая жила тогда у одной прачки, своей пріятельницы, похитилъ я ее среди бѣла дня, чтобъ всѣ о томъ узнали. Этаго еще мало: я привезъ ее въ ту деревню, гдѣ она родилась, и

тамъ обвѣнчался съ нею торжественно; чтобъ болѣе досадить Геррерѣ и подать молодымъ людямъ хорошій примѣръ. Черезъ три мѣсяца послѣ моей свадьбы, узналъ я, что Донъ Родригъ умеръ. Эта вѣсть принудила меня отправиться въ Севиллу требовать наслѣдства; но я нашелъ уже большую перемѣну. Мать моя умерла, и передъ смертію была такъ болтлива, что призналась во всемъ священнику при многихъ свидѣтеляхъ. Сынъ Дона Родрига занималъ уже мое мѣсто, или, лучше сказать, свое, и признанъ былъ всѣми за настоящаго госпо-

дина, тѣмъ болѣе, что мною были недовольны. И такъ не надѣясь ничего получить, и наскучивъ толстою моею женою, призналъ я за лучшее вступить въ это почтенное общество."

Когда молодой разбойникъ окончилъ свою исторію, началъ говорить другой, и сказалъ, что онъ сынъ Бургосскаго купца; что въ молодости своей, будучи побужденъ безразсудною набожностью, постригся въ монахи, и вступилъ въ одинъ строгой орденъ; и что потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ убѣжалъ изъ монастыря. Такимъ образомъ всѣ разбой-

ники разсказали по очереди свои приключенія, и я, выслушавъ ихъ, не дивился, что они живутъ вмѣстѣ. Потомъ перемѣнивъ разговоръ, начали они разсуждать о предпріятіяхъ, которыя хотѣли исполнить при слѣдующемъ своемъ выѣздѣ; и наконецъ, согласясь что дѣлать, встали изъ за стола, засвѣтили свѣчки, и пошли спать каждый въ свою комнату. Я пошелъ за Капитаномъ Роландо. Въ то время, какъ помогалъ ему раздѣваться, онъ сказалъ мнѣ: „Ну, братъ Жилблазъ, ты видишь, какъ мы живемъ: всегда веселы, не знаемъ ни

злобы, ни зависти; ссоръ между нами никогда не бываетъ: мы согласнѣе монаховъ. Тебѣ здѣсь будетъ жить хорошо: ты, кажется, не такъ глупъ, чтобъ считалъ за грѣхъ жить съ разбойниками. Ахъ, другъ мой! не всѣ ли люди разбойники? не всѣ ли любятъ присвоивать чужое добро? Это общая страсть: разность только въ способахъ. Завоеватели отнимаютъ цѣлыя государства. Знатные забираютъ въ долгъ и не платятъ. Банкиры, казначеи, ростовщики, прикащики, и всѣ купцы, богатые и бѣдные, поступаютъ не совѣстнѣе.

О судьяхъ нечего и говорить: всякой знаетъ, что они дѣлаютъ; надобно однакожь признаться, что они человѣколюбивѣе насъ: мы часто отнимаемъ жизнь у невинныхъ, а они иногда сохраняютъ ее преступникамъ.

ГЛАВА VI.

Жилблазъ покушается уйти: какой имѣлъ онъ въ этомъ успѣхъ.

Сказавъ такимъ образомъ все, что можно было въ извиненіе своего ремесла, Ка-

питанъ легъ въ постелю, а я возвратился въ залу, и собравъ со стола, поставилъ все на мѣсто. Потомъ пошелъ я въ кухню, гдѣ Доминго (такъ звали стараго Негра) и госпожа Леонарда дожидались меня ужинать. Я сѣлъ вмѣстѣ съ ними, но мнѣ было такъ грустно, что не могъ съѣсть ни куска, и эти двѣ фигуры принялись утѣшать меня. „Что ты, голубчикъ, печалишься? сказала мнѣ старуха. Тебѣ должно радоваться, что попалъ въ такое мѣсто. Ты молодъ и легковѣренъ: злые люди могли бы тебя испортить. Ты бы познакомился въ свѣтѣ

съ распутными людьми, которые и самаго тебя сдѣлали бы распутнымъ; здѣсь твоя невинность въ безопасности." — Да, сказалъ съ важностію Негръ, Леонарда говоритъ сущую правду; къ этому должно прибавить и то, что на свѣтѣ все суета. Благодари Бога, другъ мой, что ты такъ рано избавился отъ всѣхъ житейскихъ заботъ и опасностей.

Я слушалъ спокойно, потому что сердиться было безполезно. Къ томужь еслибъ я и разсердился, то заставилъ бы ихъ только смѣяться надо мною. — Напослѣдокъ Доминго, исправно на-

ѣвшись и напившись, отправился въ свою конюшню, а Леонарда, взявъ лампаду, повела меня въ погребъ, который служилъ кладбищемъ для разбойниковъ, умиравшихъ своею смертью, и въ которомъ увидѣлъ я кроватишку, походившую болѣе на гробъ. „Вотъ твоя комната, сказала Леонарда. Здѣсь жилъ мальчикъ, котораго мѣсто теперь ты заступилъ: и мертвой лежитъ онъ тутъ же. Не бери съ него примѣра: не умирай такъ скоро, какъ онъ.“ Сказавъ это, она подала мнѣ лампаду и ушла въ кухню.

Я поставилъ лампаду на полъ, и бросился на кровать, не за тѣмъ, чтобъ уснуть, но чтобъ дать волю печальнымъ моимъ мыслямъ. „О Боже! говорилъ я, что можетъ быть ужаснѣе моей судьбы? Будучи лишенъ дневнаго свѣта, будучи за живо погребенъ на осьмнадцатомъ году, я принужденъ еще служить разбойникамъ — день проводить съ ними, а ночь съ мертвыми!“ Тутъ слезы полились у меня градомъ. Тысячу разъ проклиналъ я охоту, которая вспала на умъ моему дядѣ, послать меня въ Саламанку; тысячу разъ ругалъ себя за то, что

побоялся суда въ Какабелосѣ: пытка казалась мнѣ гораздо сноснѣе. Но разсуждая, что жалобы мои помочь мнѣ не могутъ, началъ я искать средствъ уйти изъ подземелья. Развѣ не льзя отсюда освободиться? думалъ я. Разбойники спятъ; скоро заснутъ и Негръ и старуха, а пока они будутъ спать, не уже ли я не могу найти съ лампадою того входу, по которому я спустился въ этотъ адъ? Правда, что едва ли можно мнѣ будетъ поднять опускную дверь; однакожь попытаюсь. Сдѣлаю все, что могу: отчаяніе придастъ мнѣ силы, и мо-

жетъ быть, намѣреніе мое удастся.

И такъ, рѣшившись исполнить это важное предпріятіе, встаю, какъ скоро показалось мнѣ, что Доминго и Леонарда уже спятъ; беру лампаду и выхожу изъ погреба, призывая всѣхъ святыхъ на помощь. Не безъ труда искалъ я проходовъ въ этомъ новомъ лабиринтѣ. Наконецъ добираюсь до конюшни, и вижу дорогу къ выходу. Иду далѣе, подхожу къ опускной двери съ такою же легкостію, какъ и восхищеніемъ; но, увы! на самой серединѣ дороги встрѣчаю проклятую желѣзную ре-

щетку, такую частую, что насилу можно было просунуть руку. Я остановился при этомъ новомъ препятствіи, котораго совсемъ не замѣтилъ входя въ подземелье, потому что решетка была тогда отворена. Однакожь я сталъ щупать желѣзные прутья, разсматривать замокъ, и принимался уже выломить его силою, какъ вдругъ кто-то ударилъ меня изо всей силы плетью. Я закричалъ такъ громко, что раздалось во всемъ подземельѣ, и оглянувшись, увидѣлъ стараго Негра: онъ стоялъ въ рубашкѣ, и держалъ въ одной рукѣ потаен-

ный фонарь, а въ другой орудіе, которымъ меня наказывалъ. „Ага! сказалъ онъ: ты вздумалъ отъ насъ бѣжать!... Однако меня не обманешь: я все слышалъ. Ты вѣрно думалъ, что решетка отворена: знай, дружокъ, что она всегда будетъ заперта. И не съ твоимъ умомъ отсюда не вырвешься!“

Между тѣмъ крикъ мой разбудилъ двухъ или трехъ разбойниковъ. Думая, что на нихъ напала святая Германдадъ, они тотчасъ вскочили и побѣжали будить своихъ товарищей. Въ одну минуту всѣ были готовы. Взявъ свои шпаги и ружья бѣгутъ

они почти нагіе къ тому мѣсту, гдѣ были мы съ Домингомъ. Но когда узнали они о причинѣ шума, то безпокойство ихъ превратилось въ великой смѣхъ. „Какъ, Жилблазъ! сказалъ мнѣ разбойникъ, который былъ монахомъ, еще нѣтъ шести часовъ, какъ ты съ нами, а ужь собираешься навострить лыжи. Видно, братъ, не любишь уединенія: чтожь бы ты сталъ дѣлать, когдабъ былъ Картезіанскимъ монахомъ?... Ступай спать; на этотъ разъ будетъ довольно и того, что Доминго тебя постегалъ, но если еще когда нибудь вздумаешь уйти,

то, клянусь святымъ Варфоломеемъ! съ живаго сдеремъ кожу.“ Сказавши это, онъ пошелъ вмѣстѣ съ другими разбойниками спать; старой арабъ, довольный своимъ поступкомъ, ушелъ въ конюшню, а я возвратился на свое кладбище, гдѣ проплакалъ во весь остатокъ ночи.

ГЛАВА VII.

Что Жилблазъ почелъ нужнымъ сдѣлать.

Мнѣ казалось въ первые дни, что умру съ горя. Я

былъ въ отчаяніи, но напослѣдокъ пришло мнѣ на умъ притвориться. Постепенно скрывалъ я свою горесть; началъ помаленьку смѣяться и наконецъ пѣть, хотя совсемъ не имѣлъ къ тому охоты; словомъ сказать, притворялся такъ искусно, что Леонарда и Доминго обманулись. Они думали, что птичка привыкаетъ къ клѣткѣ. И разбойники были одного съ ними мнѣнія. Наливая имъ вино, я принималъ на себя веселой видъ, и вмѣшивался въ ихъ разговоры, когда находилъ случай сказать что нибудь смѣшное. Смѣлость моя не только не

оскорбляла моихъ хозяевъ, но еще приносила имъ удовольствіе. „Жилблазъ, сказалъ мнѣ Капитанъ въ одинъ вечеръ, когда я очень много шутилъ, ты хорошо сдѣлалъ, что пересталъ печалиться. Ты малой умной и весельчакъ: я это люблю.“

Всѣ разбойники превозносили меня до небесъ. Однажды, пользуясь ихъ благосклонностію, я сказалъ имъ: „Милостивые государи! позвольте мнѣ открыть передъ вами душу мою. Съ тѣхъ поръ, какъ живу здѣсь, я сталъ совсемъ другой. Вы освободили меня отъ прежнихъ предразсудковъ: мнѣ понра-

вилась ваша жизнь, и я имѣю великую охоту взяться за вашъ промыселъ. Я почелъ бы за счастіе быть вашимъ товарищемъ и раздѣлять съ вами всѣ опасности.“ Они одобрили мое желаніе, хвалили мою благородную склонность, и наконецъ единогласно рѣшили, чтобъ со временемъ взять меня съ собою на промыселъ, и испытавъ на дѣлѣ мою отважность, произвести въ то важное званіе, котораго я такъ усильно домогался.

И такъ все еще надобно было притворяться и отправлять прежнюю мою должность. Я былъ этимъ очень

опечаленъ: ибо хотѣлъ сдѣлаться разбойникомъ только для того, чтобъ выѣзжать вмѣстѣ съ прочими на разбой, и при случаѣ убѣжать отъ нихъ. Одна эта надежда удерживала меня отъ смерти. Между тѣмъ время казалось мнѣ такъ долго, что я нѣсколько разъ покушался преодолѣть Домингову неусыпность; но напрасно. Этотъ Церберъ былъ такъ лукавъ, что тысяча Орфеевъ не могли бы усыпить его. Правда, что и я, опасаясь навлечь на себя подозрѣнія, употреблялъ не всѣ способы. Онъ строго присматривалъ за мною, и я принужденъ былъ

поступать очень осторожно, чтобъ не открыть своего намѣренія. И такъ дожидался я того времени, когда разбойники примутъ меня въ свои товарищи, и дожидался съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ будто хотѣлъ вступить въ компанію откупщиковъ.

Наконецъ черезъ полгода, настало это желанное время. ,,Пора сдержать слово, которое мы дали Жилблазу, сказалъ Роландо своимъ товарищамъ: я хорошаго мнѣнія объ этомъ молодцѣ, и думаю, что со временемъ можно будетъ сдѣлать изъ него порядочнаго разбойника.

Возьмемъ его завтра съ собою собирать лавры на большихъ дорогахъ: пускай онъ у насъ поучится.“ Разбойники были одного мнѣнія съ Роландомъ, и желая показать, что уже считаютъ меня своимъ товарищемъ, сняли съ меня должность кравчаго и поручили ее Леонардѣ. Они велѣли мнѣ скинуть мое ветхое платье, и нарядили меня въ кафтанъ одного дворянина, котораго недавно ограбили. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я сигнала къ выступленію въ походъ.

ГЛАВА VIII.

Жилблазъ выѣзжаетъ съ разбойниками. Подвигъ, оказанный имъ на большой дорогѣ.

Это было въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Мы вышли изъ подземелья передъ разсвѣтомъ. Я былъ вооруженъ также какъ и они: имѣлъ карабинъ, пару пистолетовъ, палашъ и кинжалъ, и сидѣлъ на доброй лошади, отнятой у того же дворянина, котораго платье на меня надѣли. Я такъ долго жилъ въ темнотѣ, что первые лучи солнца едва не ослѣпили меня; од-

накожь глаза мои мало по малу привыкли къ свѣту.

Мы поѣхали къ Понферрадѣ, и засѣли въ лѣсу подлѣ Леонской большой дороги. Тамъ ожидали мы добычи, и вскорѣ увидѣли одного Доминиканскаго монаха, который, противъ обыкновенія своихъ товарищей, ѣхалъ на худомъ мулѣ. „Слава Богу! сказалъ Капитанъ съ улыбкою: вотъ случай Жилблазу отличиться. Пускай онъ оберетъ этаго монаха, а мы посмотримъ, какъ примется онъ за дѣло.“ Всѣ разбойники подтвердили, что этотъ подвигъ принадлежитъ именно мнѣ и говорили мнѣ: „смо-

три, Жилблазъ, не осрамись, не ударь лицомъ въ грязь.“ — Будете мною довольны, отвѣчалъ я: обдеру святаго отца какъ липку, и приведу сюда его мула. — „О! нѣтъ, сказалъ Роландо: на что это? Привези намъ только кошелекъ Его Преподобія: мы многаго отъ тебя не требуемъ.“

Тутъ выѣхалъ я изъ лѣсу, прося Бога, чтобъ простилъ мой поступокъ. Я хотѣлъ бы тогда же навострить лыжи, но у каждаго изъ разбойниковъ была лошадь лучше моей. Еслибъ они примѣтили мое намѣреніе, то въ минуту бы меня догнали, или дали бы по мнѣ изъ караби-

новъ своихъ такой залпъ, что я тутъ же бы остался на мѣстѣ. И такъ не смѣя бѣжать, подъѣхалъ я къ монаху, приставилъ къ груди его пистолетъ, и требовалъ кошелька. Монахъ остановился, и посмотрѣвъ на меня, отвѣчалъ безъ всякаго страха: „Другъ мой, ты еще молодъ, и рано принялся за такое гнусное ремесло.“ — Святой отецъ! отвѣчалъ я: пусть оно гнусно, а я хотѣлъ бы приняться за него еще ранѣе.—„Ахъ, сынъ мой! воскликнулъ доброй Доминиканецъ, который не могъ понять настоящаго смысла моихъ словъ: что ты говоришь?

Какое ослѣпленіе! Позволь, чтобъ я представилъ несчастное твое состояніе...“ — О! честной отецъ! прервалъ я: оставьте нравоученія: я не за тѣмъ выѣхалъ на большую дорогу, чтобъ слушать проповѣди: мнѣ надобны деньги.—„Деньги? сказалъ онъ съ удивленіемъ. Худо же ты знаешь набожность Испанцевъ, если думаешь, что такіе люди, какъ я, имѣютъ нужду въ деньгахъ, разъѣзжая по Испаніи: намъ вездѣ рады; кормятъ и поятъ даромъ, а требуютъ только однѣхъ молитвъ. Вотъ причина, по чему съ нами въ дорогѣ денегъ не бываетъ:

мы во всемъ уповаемъ на Провидѣніе.“—О! нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ я, вы съ пустыми карманами не ѣздите. При васъ всегда бываютъ добрыя пистоли, чтобъ надежнѣе уповать на Провидѣніе. Однако, честной отецъ, кончимъ поскорѣе. Меня ждутъ товарищи. Брось тотчасъ кошелекъ свой на землю, или я тебя убью.

При сихъ словахъ, которыя произнесъ я съ сердитымъ видомъ, монахъ, казалось, побоялся смерти. „Постой, сказалъ онъ, я тотчасъ выну деньги. Вижу, что съ вашей братьей краснорѣчіе не поможетъ.“ Тутъ

вынулъ онъ изъ подъ рясы большой кожаной мѣшокъ и бросилъ его на землю. Я объявилъ ему, что онъ можетъ продолжать свой путь; монахъ охотно воспользовался позволеніемъ, и ударилъ каблуками мула, который хотя съ виду былъ и не лучше мула моего дяди, однакоже побѣжалъ довольно скоро. Между тѣмъ я сошелъ съ лошади и поднялъ мѣшокъ, который показался мнѣ тяжеловатъ. Потомъ, сѣвши опять на лошадь, поскакалъ я къ лѣсу, гдѣ разбойники нетерпѣливо меня ожидали, желая поздравить съ побѣдою. Едва ступилъ я на землю,

какъ они бросились обнимать меня. „Браво, Жилблазъ! сказалъ Роландо, ты дѣлаешь чудеса. Я съ тебя глазъ не спускалъ, какъ ты управлялся съ монахомъ, и пророчу тебѣ, что ты будешь разбойникъ хоть куда.“ Порутчикъ и прочіе разбойники увѣряли меня, что Роландово предсказаніе непремѣнно сбудется. Я поблагодарилъ ихъ за доброе мнѣніе обо мнѣ, и обѣщался имъ доказать, что они не ошиблись.

Насказавъ мнѣ множество похвалъ, которыхъ я былъ очень мало достоинъ, вздумали они взглянуть на добычу. „Посмотримъ, братцы,

говорили они, что такое у монаха въ мѣшкѣ." — Онъ туго набитъ, продолжалъ одинъ изъ нихъ; святые отцы не ѣздятъ безъ денегъ.— Капитанъ развязалъ мѣшокъ, и что же? вынулъ изъ него горсти три — маленькихъ мѣдныхъ медалей и нѣсколько восковыхъ агнцевъ съ разными подобными вещами. Увидя такую необыкновенную добычу, всѣ разбойники захохотали. „Слава Богу! вскричалъ Порутчикъ. Какъ не сказать Жилблазу спасиба: онъ сдѣлалъ для опыту самое спасительное воровство!" Послѣ его насмѣшки слѣдовали другія. Всѣ эти без-

дѣльники, а особливо тотъ, который былъ монахомъ, насмѣхались надъ священными вещами и довольно показали свою набожность. Только одинъ я не смѣялся. Правду сказать, насмѣшки ихъ надо мною отнимали у меня охоту веселиться. Каждой говорилъ что нибудь на мой счетъ. ,,Послушайся меня, Жилблазъ—сказалъ Роландо—не совѣтую впередъ связываться съ монахами: эти люди и не тебя проведутъ.

ГЛАВА IX.

О важномъ дѣлѣ, которое было послѣ сего приключенія.

Мы стояли въ лѣсу почти цѣлый день, не видавъ ни одного проѣзжаго, который бы могъ заплатить намъ за монаха. Наконецъ вышедши оттуда, хотѣли уже возвратиться въ подземелье, и довольствоваться на сей разъ смѣшнымъ нашимъ приключеніемъ, какъ увидѣли вдали карету, запряженную въ четыре мула. Она подъѣзжала къ намъ очень скоро, а вокругъ ея ѣхали три человѣка

верьхомъ, и казались намъ хорошо вооруженными. По общему совѣту положено было сдѣлать нападеніе. Роландо поставилъ насъ такъ, какъ ему хотѣлось, и мы поѣхали на встрѣчу каретѣ. Не смотря на похвалы, которыя были сдѣланы мнѣ въ лѣсу, проняла меня дрожь, и по всему тѣлу выступилъ холодный потъ: это не предвѣщало мнѣ ничего добраго. Къ совершенному моему несчастію, былъ я въ передней ширенгѣ, между Роландомъ и Порутчикомъ, которые нарочно поставили меня подлѣ себя, чтобъ пріучить къ огню. Роландо, примѣтившій

мою робость, взглянулъ на меня косо, и сказалъ сердитымъ голосомъ: „Слушай, Жилблазъ! я размозжу тебѣ голову, ежели хоть на шагъ отступишь.“ Не сомнѣваясь, что онъ исполнитъ свое обѣщаніе, я послушался его приказанія, и, предавъ душу Богу, ожидалъ смерти съ той или съ другой стороны.

Между тѣмъ, карета и верховые приближались. Увидя, какіе мы люди и чего хотимъ, они остановились отъ насъ на ружейной выстрѣлъ. У нихъ были также какъ у насъ карабины и пистолеты. Въ то время какъ они готовились сдѣлать намъ

отпоръ, вышелъ изъ кареты мущина статный и богато одѣтый. Сѣвши на лошадь, которую подвелъ къ нему одинъ изъ вершниковъ, онъ сталъ впереди и имѣлъ только шпагу и пару пистолетовъ. Хотя насъ было девятеро, а ихъ четверо, ибо кучеръ оставался на козлахъ; но они подъѣхали къ намъ съ такою смѣлостію, что страхъ мой удвоился. Впрочемъ, я имѣлъ столько духу, что выстрѣлилъ. Правду сказать, я зажмурился и отворотилъ голову, а потому этотъ выстрѣлъ не лежитъ у меня на совѣсти.

Не могу подробно описать сраженія: робость препятствовала мнѣ видѣть весь ужасъ этаго зрѣлища. Знаю только то, что послѣ страшной стрѣльбы, товарищи мои закричали: побѣда! побѣда! При этомъ радостномъ восклицаніи ужасъ мой разсѣялся, и я увидѣлъ всѣхъ противниковъ нащихъ лежащихъ на землѣ. У насъ былъ убитъ только бѣглой монахъ, который давно уже заслужилъ смерть своими злодѣйствами и кощунствомъ. Одинъ изъ нашихъ былъ раненъ пулею въ правую ногу. Порутчикъ также былъ раненъ, но легко: пуля ссадила только кожу.

Роландо тотчасъ бросился къ каретѣ. Въ ней сидѣла женщина лѣтъ двадцати пяти, которая показалась ему большою красавицею, не смотря на печальное ея состояніе. При самомъ началѣ сраженія она упала въ обморокъ и лежала еще безъ памяти. Между тѣмъ, какъ онъ глядѣлъ на нее, прочіе заботились о добычѣ. Сперва стали ловить лошадей, которыя испугавшись стрѣльбы и потерявъ своихъ сѣдоковъ, отбѣжали въ сторону. Что касается до муловъ, то они не трогались съ мѣста, хотя во время сраженія кучеръ сошелъ съ козелъ и убѣжалъ.

Мы соскочили на землю, отпрягли муловъ, и положили на нихъ всѣ чемоданы, которые были привязаны къ каретѣ сзади и спереди. Потомъ, по приказанію Капитана, вынули изъ нее госпожу, которая еще не пришла въ чувство, и отдали везти одному разбойнику. Карету и ограбленныхъ мертвыхъ оставили мы на дорогѣ, а лошадей и муловъ взяли съ собою.

ГЛАВА X.

Какъ поступали разбойники съ госпожею; какое предпріятіе дѣлаетъ Жилблазъ и чѣмъ оно кончилось.

Мы пріѣхали въ подземелье ночью. Прежде всего отвели лошадей и муловъ въ конюшню; намъ должно было самимъ привязывать ихъ и давать имъ корму, потому что старой Негръ былъ болѣнъ уже дни три. При подагрѣ онъ мучился еще сильною простудою, и не могъ владѣть ни однимъ членомъ. У него остался

здоровымъ только языкъ, которымъ произносилъ онъ самыя ужасныя проклятія. Оставивъ этаго несчастнаго ругаться въ покоѣ, пошли мы въ кухню, и старались подать помощь привезенной нами госпожѣ, которая лежала почти безъ дыханія. Стараніе наше было не напрасно. Но не льзя описать ужаса ея, когда опомнившись она увидѣла себя посреди незнакомыхъ мущинъ. Все, что горесть и отчаяніе имѣютъ ужаснѣйшаго, изображалось въ глазахъ ея; она поднимала ихъ къ небу, какъ будто умоляя его сохранить ее отъ грозившаго ей пору-

ганія. Потомъ вдругъ глаза ея смыкаются, она снова упадаетъ въ обморокъ, и разбойники думаютъ уже, что смерть похищаетъ ихъ добычу. Тогда Роландо, разсуждая, что лучше оставить ее въ этомъ состояніи, чѣмъ мучить новою помощью, велѣлъ положить ее на Леонардину постель, гдѣ мы и оставили ее на произволъ судьбы.

Оттуда пришли мы въ залу. Одинъ изъ разбойниковъ, который умѣлъ лѣчить, осмотрѣвъ раненыхъ своихъ товарищей, перевязалъ имъ раны и натеръ ихъ какою-то мазью. Послѣ операціи захотѣлось намъ взглянуть,

что было въ чемоданахъ. Въ иныхъ нашли бѣлье, въ другихъ платье, и наконецъ въ одномъ нѣсколько мѣшковъ съ пистолями: что произвело чрезвычайную радость. Пересмотрѣвъ все, сѣли мы ужинать, и начали говорить о своей побѣдѣ. „Признайся— сказалъ мнѣ Роландо — что ты очень струсилъ.“ Я отвѣчалъ, что онъ говоритъ правду; но что если побываю еще на двухъ или трехъ сраженіяхъ, то буду драться какъ рыцарь. Всѣ взяли мою сторону, и говорили, что меня можно извинить; что сраженіе было самое жаркое, и что я впрочемъ, будучи

еще молодъ и неопытенъ, поступалъ не худо.

Потомъ зашелъ разговоръ о лошадяхъ и мулахъ, которыхъ привели въ подземелье. Рѣшено было, чтобъ на другой день на разсвѣтѣ ѣхать всѣмъ продавать ихъ въ Мансиллу, гдѣ вѣроятно не слыхали еще о нашемъ подвигѣ. Принявъ это намѣреніе, встали мы изъ за стола, и пошли опять въ кухню посмотрѣть, что дѣлаетъ наша плѣнница. Ее нашли въ такомъ же состояніи, какъ и прежде, и думали, что она не проживетъ до другаго дня. Однако, не смотря на то, что въ ней почти не

было жизни, нѣкоторые разбойники прельщались ею, и показывали скотское желаніе, которое вѣрно было бы исполнено, еслибъ Роландо не удержалъ ихъ, представляя, что они должны по крайней мѣрѣ подождать, пока она придетъ въ чувство. Почтеніе, которое имѣли они къ начальнику, остановило ихъ неистовство. Это одно могло спасти госпожу: самая смерть не привела бы, можетъ быть, въ безопасность ея чести.

Роландо приказалъ Леонардѣ стараться объ этой несчастной: послѣ чего всѣ разошлись по своимъ ком-

натамъ. Что касается до меня, я не могъ уснуть, и думалъ только о судьбѣ этой госпожи. Я не сомнѣвался, что она знатнаго роду, и тѣмъ болѣе казалось мнѣ ея несчастіе. Я не могъ безъ ужаса помыслить о безчестіи, которое ожидало ее, и это столь много занимало меня, какъ будто бы я былъ соединенъ съ нею узами родства или дружбы. Наконецъ, пожалѣвъ довольно объ участи ея, началъ я думать о средствахъ спасти и ее и себя изъ этаго адскаго жилища. Мнѣ пришло въ голову, что старой Негръ не можетъ пошевелиться, и что

съ самаго начала его болѣзни Леонарда имѣла ключь отъ решетки. Это обстоятельство родило во мнѣ одну счастливую мысль. Обдумавъ ее какъ можно лучше, я приступилъ тотчасъ къ исполненію слѣдующимъ образомъ.

Притворясь, что у меня колика, началъ я сперва охать и стонать, а потомъ поднялъ ужасной крикъ. Разбойники пробуждаются, и сбѣжавшись ко мнѣ, спрашиваютъ, что сдѣлалось со мною?—У меня страшная колика, отвѣчаю я имъ: а чтобъ лучше увѣрить ихъ въ томъ, начинаю скрыпѣть зубами,

дѣлать разныя гримасы и кривлянья, и вертѣться на постелѣ. Потомъ вдругъ дѣлаюсь спокоенъ, какъ будто бы моя болѣзнь нѣсколько утихла. Черезъ минуту опять вскакиваю, валяюсь по постелѣ и ломаю себѣ руки. Словомъ, я такъ хорошо сыгралъ свою ролю, что разбойники, при всей своей хитрости, обманулись, и подумали, что дѣйствительно у меня сильной рѣзъ въ животѣ. Но скоро былъ я наказанъ за мое притворство: сострадательные мои товарищи принялись всѣ лѣчить меня. Одинъ приноситъ бутылку водки, и принуждаетъ

меня выпить половину; другой ставитъ мнѣ клистиръ изъ миндальнаго масла; третій грѣетъ салфетку и кладетъ ее горячую мнѣ на животъ. Напрасно прошу пощады: крикъ мой приписываютъ коликѣ, и вылѣчивая меня отъ мнимой болѣзни, причиняютъ настоящую. Наконецъ, будучи не въ силахъ терпѣть болѣе, долженъ былъ я сказать имъ, что не чувствую уже рѣзу, и просилъ оставить меня въ покоѣ. И такъ, они перестаютъ мучить меня своими лѣкарствами, а я перестаю жаловаться на болѣзнь, не желая испытать ихъ помощи въ другой разъ.

Эта комедія продолжалась около трехъ часовъ, послѣ чего разбойники, зная, что скоро будетъ разсвѣтать, приготовились ѣхать въ Мансиллу. Тутъ вздумалось мнѣ сдѣлать новый обманъ. Желая показать, что мнѣ очень хочется ѣхать вмѣстѣ съ ними, я привсталъ съ постели, и началъ одѣваться. Но они меня удержали. „Нѣтъ, нѣтъ, Жилблазъ—сказалъ господинъ Роландо: — за чѣмъ принуждать себя? Можетъ быть, тебѣ опять сдѣлается дурно. Ты поѣдешь съ нами въ другой разъ, а сего дни останься здѣсь: тебѣ нуженъ покой.“ Я не разсудилъ упра-

шивать ихъ болѣе, опасаясь, чтобъ не согласились на мои просьбы, и притворился, будто очень жалѣю, что не могу съ ними ѣхать. Все это представилъ я такъ искусно, что они вышли изъ подземелья, не имѣя никакого подозрѣнія. Послѣ ихъ отъѣзда, который я старался ускорить моими молитвами, сказалъ я самъ себѣ: „Ну, Жилблазъ! теперь-то нужна смѣлость! Вооружись мужествомъ, и окончи то, что началъ такъ счастливо. Это не трудно. Доминго не въ силахъ противиться твоему намѣренію, а съ Леонардою можно сладить. Пользуйся

случаемъ: можетъ быть другаго никогда не найдешь.“ Эти разсужденія поселили во мнѣ большую надежду. Я всталъ, и взявши шпагу и пистолеты, пошелъ сперва въ кухню. Подходя къ дверямъ, услышалъ я голосъ Леонарды, и остановился ее послушать. Она говорила съ незнакомкою, которая пришедши въ чувство и размышляя о своемъ несчастіи, проклинала судьбу свою. „Плачь, моя милая, плачь сколько угодно: это для тебя полезно. Ты была въ опасномъ состояніи, но теперь уже бояться нечего, потому что ты плачешь. Твоя печаль прой-

деть по немногу, и ты привыкнешь здѣсь жить съ нашими господами. Они люди честные: станутъ обходиться съ тобою, какъ съ Принцессою, и—вспомни мое слово—самой слюбится!...О! многія бы женщины хотѣли быть на твоемъ мѣстѣ!"

Я не далъ болѣе говорить Леонардѣ. Вошедши въ кухню, приставилъ къ груди ея пистолетъ, и требовалъ ключа отъ решетки. Она очень испугалась, и хотя довольно уже пожила на свѣтѣ, однако жизнь была ей такъ мила, что не осмѣлилась отказать мнѣ. Взявъ ключь, я сказалъ госпожѣ: „сударыня,

небо посылаетъ вамъ избавителя. Встаньте и ступайте за мною. Я отвезу васъ куда вамъ угодно.“ Слова мои произвели надъ нею такое дѣйствіе, что она собравши всѣ силы свои, встала съ постели и бросилась къ ногамъ моимъ, заклиная сохранить честь ея. Я подняялъ ее, и увѣрилъ, что она можетъ на меня положиться. Потомъ взялъ веревки, которыя увидѣлъ въ кухнѣ, и съ помощью госпожи привязалъ Леонарду къ большому столу, обѣщаясь убить ее, ежели она закричитъ. Бѣдная старуха знала, что я могу сдержать свое слово, и

потому рѣшилась дать мнѣ волю дѣлать все, что я хотѣлъ. Засвѣтивъ свѣчу пошелъ я съ незнакомкою въ комнату, гдѣ лежали золотыя и серебреныя деньги. Я наклалъ въ мои карманы столько пистолей, сколько могло умѣститься, и принудилъ подругу мою сдѣлать то же, представляя, что не грѣхъ взять собственное свое добро. Снабдивъ себя деньгами, отправились мы въ конюшню, куда вошелъ я одинъ съ готовыми пистолетами. Разсуждая, что старой арабъ, не смотря на свою подагру и простуду, не дастъ мнѣ спокойно осѣдлать мою ло-

шадь, я рѣшился вылѣчить его навсегда отъ всѣхъ болѣзней, если вздумаетъ умничать, но къ счастію онъ былъ въ такомъ положеніи, что и не примѣтилъ, какъ вывелъ я лошадь. Незнакомка ждала меня у дверей. Тотчасъ пошли мы къ выходу, отперли решетку, и наконецъ добрались до опускной двери. Большаго труда стоило намъ поднять ее; но желаніе освободиться удвоило наши силы.

Мы вышли изъ подземелья на разсвѣтѣ, и первое наше стараніе было удалиться отъ этаго мѣста, какъ можно скорѣе. Я сѣлъ на лошадь,

и посадивъ госпожу за собою, пустился во всю прыть по первой тропинкѣ, которая мнѣ представилась. Скоро выѣхали мы изъ лѣсу на ровное мѣсто; черезъ него было нѣсколько дорогъ, и мы выбрали одну на удачу. Я боялся, что она идетъ къ Мансиллѣ, и что можетъ встрѣтиться намъ Роландо съ товарищами. Но къ счастію опасеніе мое было напрасно: въ два часа по полудни пріѣхали мы въ Асторгу. Я примѣтилъ, что всѣ удивлялись, видя женщину на одной лошади съ мущиною. Мы остановились у постоялаго двора. Прика-

завъ изжарить рябчика и кролика, повелъ я спутницу мою въ комнату, и въ ожиданіи обѣда началъ съ нею разговаривать. Дорогою не льзя было говорить потому, что ѣхали очень скоро. Она благодарила меня за оказанную ей услугу, и сказала, что послѣ такого великодушнаго поступка не знаетъ, какимъ образомъ могъ я быть товарищемъ разбойниковъ. Тутъ я разсказалъ ей мою исторію, и подтвердилъ этимъ доброе мнѣніе, которое она обо мнѣ имѣла. Послѣ чего она съ своей стороны сдѣлала мнѣ довѣренность, и разсказала свои

несчастія точно такъ, какъ читатель увидитъ это въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XI.

Исторія Донны Менціи де Москеры.

Я родилась въ Валладолидѣ, и называюсь Донна Менція де Москера. Донъ Мартинъ, отецъ мой, командовалъ полкомъ. Онъ прожилъ почти все состояніе на службѣ, и былъ убитъ въ Португалліи. Хотя я была у него только одна дочь, но по смерти его

получила такое небогатое наслѣдство, что не могла ожидать выгоднаго замужества. Впрочемъ, не смотря на мою бѣдность, многіе знатные люди искали руки моей. Въ числѣ ихъ былъ Донъ Альваръ де Мелло, человѣкъ умной и храброй, съ прекрасною наружностью и добрымъ сердцемъ. Въ обществѣ отличался онъ своею любезностью, а на рыцарскихъ играхъ силою и проворствомъ. Я предпочла его всѣмъ, и вышла за него за мужъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, встрѣтился онъ съ Дономъ Андреемъ де Баеса,

своимъ соперникомъ. Отъ оскорбительныхъ словъ дошло у нихъ до поединка, и Донъ Андрей былъ убитъ. Валладолидской Коррежидоръ, дядя несчастнаго Дона Андрея, былъ человѣкъ мстительной и смертельной непріятель фамиліи Мелло. Это заставило мужа моего думать о выѣздѣ изъ города. Тотчасъ послѣ поединка онъ возвратился домой, и пока сѣдлали ему лошадь, разсказалъ мнѣ о томъ, что случилось. „Любезная Менція, прибавилъ Донъ Альваръ, намъ должно разстаться: этаго требуетъ необходимость. Коррежидоръ, безъ сомнѣнія, захочетъ по-

губить меня. Ты знаешь, въ какой онъ силѣ: я не найду безопаснаго убѣжища во всей Испаніи.“ Общая наша горесть помѣшала ему продолжать далѣе. Я принудила его взять нѣсколько золота и брильянтовъ; онъ обнялъ меня и мы смѣшали наши вздохи и слезы. Наконецъ, пришли сказать, что лошадь готова: онъ вырвался изъ рукъ моихъ, и поѣхалъ, оставя меня въ такомъ ужасномъ состояніи, которое описать не возможно. Счастлива бы я была, еслибъ тогда отчаяніе лишило меня жизни! Смерть избавила бы меня отъ всѣхъ страданій!...

Узнавши о побѣгѣ Дона Альвара, Коррежидоръ тотчасъ велѣлъ всѣмъ Алгвазиламъ *) гнаться за нимъ; но не смотря на ихъ старанія, мужъ мой нашелъ средство скрыться отъ поисковъ и уѣхать въ безопасное мѣсто. И такъ Коррежидоръ принужденъ былъ ограничить мщеніе свое только тѣмъ, что все имѣніе Дона Альвара было конфисковано. — Я осталась въ самомъ жалкомъ положеніи. Лишась почти пропитанія, я жила уеди-

---

*) *Алгвазилъ*, слово Арабское, означающее приказнаго служителя.

ненно и держала только одну служанку. Горесть моя день опто дня увеличивалась: я оплакивала не бѣдность, которую могла сносить терпѣливо, но разлуку съ мужемъ, котораго обожала, и о которомъ не имѣла никакого извѣстія. Разставаясь со мною, онъ обѣщалъ увѣдомлять меня о себѣ, въ какое бы мѣсто ни былъ заведенъ несчастною своею судьбою. Но прошло семь лѣтъ, а я ничего объ немъ не знала, и мучилась неизвѣстностью. Наконецъ услышала я, что онъ вступивши въ Португальскую службу, лишился жизни на сраженіи въ Фецѣ.

Мнѣ сказалъ это одинъ человѣкъ, который недавно пріѣхалъ изъ Африки. Онъ увѣрялъ меня, что былъ знакомъ съ Дономъ Альваромъ, что служилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Португальской арміи, и былъ свидѣтелемъ его смерти. Онъ прибавилъ къ тому еще другія обстоятельства, которыя удостовѣрили меня, что мужа моего нѣтъ на свѣтѣ. Это извѣстіе увеличило мою горесть, и я рѣшилась остаться навсегда вдовою.

Въ это время пріѣхалъ въ Валладолидъ Донъ Амброзіо Маркизъ де ла Гардіа. Онъ принадлежалъ къ числу

тѣхъ стариковъ, которые своею любезностью заставляютъ забывать старость, и умѣютъ еще нравиться женщинамъ. Ему разсказали однажды исторію Дона Альвара и такъ разхвалили меня, что онъ сталъ просить одну мою родственницу познакомить его со мною. Она пригласила меня къ себѣ, не сказывая о причинѣ; и я понравилась Маркизу, не смотря на мой томный и печальный видъ; но что я говорю? можетъ быть, только этотъ видъ и тронулъ его, потому что доказывалъ вѣрность мою къ мужу; можетъ быть, только задумчивость

моя родила въ немъ любовь ко мнѣ. Онъ говорилъ мнѣ нѣсколько разъ, что удивляется моему постоянству, и завидуетъ несчастному Дону Альвару. Словомъ, онъ былъ такъ пораженъ мною, что принялъ намѣреніе на мнѣ жениться.

Родственница моя обѣщалась уговорить меня. Она представляла мнѣ, что Дона Альвара уже нѣтъ на свѣтѣ; что я поступаю безразсудно, желая оставаться вдовою въ молодости; что довольно уже оплакивала человѣка, съ которымъ жила только нѣсколько дней; что должна пользоваться случаемъ, и

что буду счастливѣйшею женщиною, ежели выду за Маркиза. Потомъ превозносила его знатность, богатство и добрый нравъ; но все ея краснорѣчіе не могло убѣдить меня. Я была увѣрена, что Донъ Альваръ умеръ, и боялась не того, что онъ вдругъ явится, но чувствовала сильное отвращеніе отъ втораго замужества. Это обстоятельство не только не остановило мою родственницу, но удвоило ея усердіе къ Маркизу. Она склонила всю фамилію мою на его сторону: всѣ стали принуждать меня, чтобъ я согласилась на такое выгодное

предложеніе. Безпрестанныя просьбы ихъ не давали мнѣ покою. Правда, что бѣдность моя, которая день отъ дня становилась больше, много способствовала побѣдить мое отвращеніе отъ замужества.

И такъ, не въ состояніи будучи долѣе противиться, я должна была уступить ихъ просьбамъ и выдти за Маркиза. На другой день свадьбы онъ повезъ меня въ одинъ богатый замокъ, который былъ у него недалеко отъ Бургоса, между Гаяломъ и Родилласомъ. Онъ оказывалъ мнѣ самую страстную любовь; во всѣхъ поступкахъ

его видѣла я желаніе мнѣ нравиться. Рѣдкой мужъ могъ имѣть столько уваженія къ женѣ своей, и рѣдкой любовникъ столько привязанности къ своей любовницѣ. Удивляясь прекрасному его нраву, я утѣшалась нѣкоторымъ образомъ въ потерѣ Дона Альвара, потому что дѣлала счастливымъ добраго человѣка. Я бы даже любила его, не смотря на несходство нашихъ лѣтъ, еслибъ могла любить кого другаго, кромѣ Дона Альвара. Но сердца постоянныя любятъ только одинъ разъ въ жизни. Воспоминаніе о первомъ мужѣ дѣлало безполезными всѣ

Маркизовы старанія мнѣ понравиться, и за нѣжную любовь его я могла платить только благодарностью.

Однажды, отворивъ окно въ садъ, увидѣла я крестьянина, который смотрѣлъ на меня очень пристально. Подумавъ, что это кто нибудь изъ работниковъ, я оставила его безъ замѣчанія; но на другой день, подошедши къ окну, увидѣла его опять: онъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, и смотрѣлъ на меня съ такимъ же вниманіемъ, какъ и прежде. Это меня удивило. Начинаю сама смотрѣть на него, и нахожу въ немъ сходство съ несчаст-

нымъ Дономъ Альваромъ. Ужасъ овладѣлъ мною. Я закричала. По счастію я была тогда одна съ Инесою, къ которой имѣла болѣе довѣренности, нежели къ прочимъ моимъ женщинамъ. Узнавши о причинѣ моего испуга, она стала смѣяться и увѣряла меня, что малое сходство обманываетъ глаза мои. „Успокойтесь, сударыня, сказала она. Можно ли подумать, что это Донъ Альваръ? За чѣмъ придти ему сюда, и въ такомъ платьѣ? И можетъ ли статься, чтобъ онъ былъ живъ?... Позвольте мнѣ сойти въ садъ, и спросить у этаго человѣка, кто

онъ: я тотчасъ приду съ отвѣтомъ, и васъ успокою.“ Инеса пошла, и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась ко мнѣ въ великомъ страхѣ. „Ахъ, сударыня, сказала она, вы не обманулись! Это самъ Донъ Альваръ. Онъ назвалъ мнѣ себя по имени, и просилъ, чтобъ вы позволили ему съ вами увидѣться.“

Я могла тогда же впустить къ себѣ Дона Альвара, потому что Маркизъ былъ въ Бургосѣ. Инеса привела его ко мнѣ въ спальню по потаенной лѣстницѣ. Не можете понять, въ какомъ я была смущеніи. Будучи не въ

силахъ смотрѣть на человѣка, который имѣлъ право упрекать меня, я упала въ обморокъ: мнѣ показалось, что вижу тѣнь раздраженнаго моего мужа. Инеса и онъ бросились помогать мнѣ, и когда привели меня въ чувство, то Донъ Альваръ сказалъ: ,,Успокойтесь, любезная Менція: не хочу васъ мучить моимъ присутствіемъ. Я пришелъ не для того, чтобъ укорять васъ за нарушеніе вѣрности, и вмѣнять ваше второе замужество въ преступленіе. Знаю, что васъ принудили родственники; знаю, что до васъ дошелъ слухъ о моей смерти, и вы

могли повѣрить ему тѣмъ болѣе, что съ самой разлуки нашей не получали отъ меня никакого извѣстія. Знаю также и то, какъ вы жили разставшись со мною, и какъ вышли за мужъ: не любовь, а необходимость заставила васъ согласиться на предложеніе Маркиза...."—Ахъ, Донъ Альваръ! прервала я рѣчь его со слезами, за чѣмъ хотите извинять жену вашу? Вы живы — и она виновна. Для чего я еще не въ томъ несчастномъ положеніи, въ которомъ была до замужества съ Дономъ Амброзіо! тогда бы я при всей бѣдности имѣла утѣшеніе смо-

трѣть на васъ безъ стыда!

„Любезная Менція, отвѣчалъ Донъ Альваръ, тронутый моими слезами, я не жалуюсь на васъ; благодарю Небо, видя васъ въ богатомъ состояніи. Съ того горестнаго дня, какъ я разстался съ вами, терпѣлъ я безпрестанныя бѣдствія; жизнь моя была не иное что, какъ цѣпь различныхъ страданій, и къ величайшему моему несчастію не могъ я увѣдомлять васъ о себѣ. Будучи увѣренъ въ вашемъ постоянствѣ, безпрестанно воображалъ то состояніе, до котораго довела васъ несчастная любовь моя; вообра-

жалъ Донну Менцію въ слезахъ—и эта мысль умножала мои страданія. Признаюсь, часто проклиналъ я тотъ день, въ который имѣлъ счастіе вамъ понравиться; сожалѣлъ, что вы не полюбили другаго, потому что оказавъ предпочтеніе мнѣ, вы сдѣлались несчастны. Между тѣмъ, послѣ семилѣтняго мученія, обожая васъ столько же какъ прежде, я захотѣлъ васъ увидѣть: выкупился изъ неволи, и въ крестьянскомъ платьѣ пробрался въ Валладолидъ, презирая опасность быть узнаннымъ. Тамъ услышалъ я обо всемъ, и пріѣхавъ въ этотъ

замокъ, нашелъ случай познакомиться съ садовникомъ и наняться у него въ работники. Вотъ средство, которое употребилъ я, чтобъ васъ увидѣть. Но не думайте, чтобъ я хотѣлъ присутствіемъ моимъ нарушать то благополучіе, которымъ вы здѣсь наслаждаетесь. Люблю васъ болѣе самаго себя; но уважая ваше спокойствіе, хочу кончить далеко отъ васъ горестную жизнь мою."

—Нѣтъ, Донъ Альваръ, нѣтъ! вскричала я. Небо привело васъ сюда не напрасно: вы не оставите меня въ другой разъ! Хочу ѣхать съ вами: только смерть можетъ

разлучить насъ. — „Прошу васъ, отвѣчалъ онъ, живите съ Дономъ Амброзіо. Не будьте мнѣ подругою въ несчастіяхъ: пусть одинъ я сношу ихъ тягость.“

Долго уговаривалъ онъ меня остаться съ Маркизомъ, но чѣмъ болѣе хотѣлъ жертвовать собою моему счастію, тѣмъ менѣе соглашалась я на его желаніе. Напослѣдокъ, видя мое твердое намѣреніе ѣхать съ нимъ, онъ перемѣнилъ тонъ и принялъ видъ веселѣе прежняго. „И такъ, милая Менція! сказалъ онъ, ты не забыла меня... Ахъ! ежели ты меня еще столько любишь, что

предпочитаешь мою бѣдность своему богатству — я счастливъ! . . . Удалимся въ Галицію: тамъ есть у меня безопасное убѣжище. Несчастіе лишило меня богатства, но еще не лишило друзей. Такъ, у меня есть вѣрные друзья, и они-то подаютъ мнѣ средство увезти тебя. Съ помощью ихъ купилъ я карету и лошадей; трое смѣлыхъ Галиціянъ будутъ провожать насъ. Они вооружены карабинами и пистолетами, и ждутъ моего приказа въ Родилласѣ . . . Воспользуемся отлучкою Маркиза, продолжалъ онъ. Я велю подвезти карету къ воро-

тамъ замка, и мы тотчасъ поѣдемъ." Я согласилась. Донъ Альваръ полетѣлъ въ Родиллась, и скоро возвратился съ своими спутниками. Всѣ женщины мои, не зная, что думать объ этомъ случаѣ, разбѣжались отъ страха. Только Инеса знала о похищеніи, но не захотѣла ѣхать со мною: она любила Маркизова камердинера.

Я сѣла въ карету съ Дономъ Альваромъ, взявъ съ собою только мое платье и нѣсколько брильянтовъ, которые были у меня прежде замужества моего съ Маркизомъ: я не хотѣла увезти того, что онъ подарилъ мнѣ.

Мы отправились по дорогѣ въ Галицію. Должно было опасаться, чтобъ Донъ Амброзіо, по пріѣздѣ въ замокъ, не погнался въ слѣдъ за нами. Но мы ѣхали два дни, не видя за собою никакой погони. Воображая, что и третій день пройдетъ такимъ же образомъ, мы спокойно разговаривали. Донъ Альваръ разсказывалъ мнѣ, по какому случаю всѣ заключили о его смерти, и исторію своей неволи—какъ вдругъ встрѣтились мы съ разбойниками, съ которыми вы были. Кончина Дона Альвара вамъ уже извѣстна:

всю жизнь мою должна я его оплакивать.

ГЛАВА XII.

Какимъ непріятнымъ образомъ былъ прерванъ разговоръ Жилблаза съ Госпожею.

Тутъ Донна Менція залилась слезами. Я не утѣшалъ ее Сенекинскими разсужденіями, но далъ свободу ея горести, и даже плакалъ вмѣстѣ съ нею: такъ свойственно человѣку принимать

участіе въ судьбѣ несчастныхъ, а особливо въ судьбѣ печальной красавицы. Я хотѣлъ было спросить ее, что намѣрена она дѣлать при теперешнихъ ея обстоятельствахъ; можетъ быть, и она готовилась потребовать у меня въ томъ совѣта, какъ вдругъ прервали нашъ разговоръ. Мы услышали въ трактирѣ великой шумъ, который возбудилъ наше вниманіе. Онъ происходилъ отъ пріѣзда Корреждидора съ двумя Алгвазилами и множествомъ солдатъ. Они вошли въ нашу комнату съ молодымъ человѣкомъ, который, подошедши ко мнѣ,

началъ разсматривать мое платье. „Клянусь святымъ Іаковомъ, закричалъ онъ, что это мой кафтанъ!... Да, точно мой, продолжалъ онъ, поворачивая меня. И кафтанъ и лошадь мои!... Прошу задержать этаго молодчика: онъ изъ числа тѣхъ господъ, которые изволятъ грабить проѣзжихъ.“

Эти слова привели меня въ большое смущеніе. Я могъ изъ нихъ догадаться, что молодой человѣкъ есть тотъ ограбленный дворянинъ, послѣ котораго достались мнѣ платье и лошадь. Коррежидоръ, который по должности своей, былъ принужденъ

толковать замѣшательство мое въ худую сторону, разсудилъ, что доносятъ на меня не безъ основанія, и полагая, что Донна Менція есть также моя сообщница, приказалъ посадить насъ розно въ тюрьму. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ судей, которые пугаютъ своею угрюмостью: видъ его былъ кротокъ и пріятенъ. Впрочемъ, Богъ знаетъ, былъ ли онъ совѣстнѣе другихъ.

Когда посадили меня въ тюрьму, онъ пришелъ ко мнѣ съ двумя Алгвазилами. Лица ихъ были такъ веселы, что казалось, будто они хотятъ сдѣлать доброе дѣло.

По всегдашней своей привычкѣ, они начали меня обшаривать. То - то было для нихъ раздолье! Они, можетъ быть, никогда не получали такой добычи. При каждой горсти пистолей, которую вынимали изъ моихъ кармановъ, въ глазахъ ихъ блистала радость. Особливо Корреждоръ былъ въ восхищеніи. — „Другъ мой, говорилъ онъ мнѣ съ кротостью: мы исполняемъ свою должность, но ты не бойся. Тебѣ ничего не сдѣлаютъ, ежели ты невиноватъ.“ Между тѣмъ очистили они мои карманы препорядочно; отобрали даже то, что сами

разбойники пощадили, то есть, сорокъ червонцевъ моего дяди. Этаго было еще мало. Жадныя и неутомимыя руки ихъ обшарили меня съ головы до ногъ. Скинули съ меня платье и искали денегъ даже за рубашкою. Думаю, что они съ охотою распороли бы мнѣ брюхо, чтобъ посмотрѣть, не спряталъ ли я и туда чего нибудь.—Исполнивъ такъ хорошо свою должность, Корреждоръ сталъ меня допрашивать. Я откровенно разсказалъ ему все, что со мною случилось. Онъ велѣлъ написать объясненіе мое на бумагѣ, и потомъ вышелъ съ

своими провожатыми и моими денежками, оставя меня нагаго на соломѣ.

„О жизнь человѣческая! вскричалъ я, оставшись одинъ и въ такомъ положеніи: сколько въ тебѣ чудныхъ случаевъ и бѣдствій! Съ самаго того времени, какъ я выѣхалъ изъ Овіедо, не вижу ничего кромѣ несчастій! Едва успѣю выдти изъ одной бѣды—попадаюсь въ другую! Пріѣхавши въ этотъ городъ, думалъ ли я познакомиться такъ скоро съ Коррежидоромъ?... Въ такихъ безполезныхъ разсужденіяхъ надѣлъ я проклятой свой кафтанъ и прочее платье. Потомъ на-

чалъ ободрять себя: „Не робѣй, Жилблазъ, говорилъ я самъ себѣ. Какъ знать? можетъ быть, послѣ этаго случая встрѣтится съ тобою что нибудь и хорошее. Пристало ли тебѣ грустить въ обыкновенной тюрьмѣ, когда ты показывалъ терпѣніе въ разбойничьемъ подземельѣ?... Но, ахъ! примолвилъ я со вздохомъ: я стараюсь только обманывать себя. Какъ вырваться отсюда? меня лишили всѣхъ способовъ: колодникъ безъ денегъ похожъ на птицу, у которой обрѣзали крылья.“

Вмѣсто рябчика и кролика, которыхъ велѣлъ я из-

жаритъ, принесли мнѣ кусокъ чернаго хлѣба и кружку воды. — Я пробылъ въ тюрьмѣ цѣлыя двѣ недѣли, не видя никого кромѣ тюремщика, который каждое утро приносилъ мнѣ пищу. При входѣ его, я старался завести съ нимъ разговоръ отъ скуки, но онъ не отвѣчалъ мнѣ ни слова. Не было средства заставить его говорить: по большой части онъ входилъ и выходилъ не глядя на меня. Въ шестнадцатый день пришелъ Коррежидоръ, и сказалъ мнѣ: „Радуйся, другъ мой, наконецъ твое дѣло кончилось. Я принесъ тебѣ добрыя вѣсти.

Госпожу, которая была съ тобою, я велѣлъ отвезти въ Бургосъ. Ее допрашивали передъ отъѣздомъ, и всѣ отвѣты ея показываютъ, что ты невиноватъ. Тебя сего дня же выпустятъ, ежели извощикъ, съ которымъ ты ѣхалъ изъ Пеннафлора въ Какабелосъ, подтвердитъ твои слова. Теперь онъ въ Асторгѣ. Я ужь послалъ за нимъ, и жду его. Ежели онъ признается въ томъ, что ты говорилъ о пыткѣ, то велю тотчасъ тебя освободить."

Это произвело во мнѣ чрезвычайную радость. Я полагалъ, что несчастіе мое уже совсемъ кончилось, и

принялся благодарить Корреждора за доброе и скорое его рѣшеніе. Между тѣмъ два солдата привели и извощика. Я тотчасъ его узналъ; но этотъ плутъ, продавши мой чемоданъ, и опасаясь, что ему велятъ заплатить мнѣ за то деньгами, сказалъ на отрѣзъ, что меня не знаетъ, и отъ роду не видывалъ.—,,Ахъ, бездѣльникъ! закричалъ я: признайся лучше, что ты продалъ всѣ мои вещи, и скажи сущую правду. Всмотрись въ меня. Я одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ ты стращалъ пыткою въ Какабелосѣ, и которыхъ такъ

напугалъ.“ Извощикъ отвѣчалъ хладнокровно, что я говорю пустяки, и что меня совсемъ не знаетъ; а какъ онъ стоялъ къ этомъ твердо, то освобожденіе мое отложили до другаго времени. „Ну, другъ мой, сказалъ мнѣ Коррежидоръ: самъ видишь, что извощикъ не соглашается съ твоимъ показаніемъ. Жаль тебя, да нечего дѣлать! не могу выпустить.“

И такъ принужденъ я былъ опять вооружиться терпѣніемъ, опять ѣсть хлѣбъ съ водою и смотрѣть на молчаливаго тюремщика. Мысль, что будучи совершенно невиненъ, не могу

вырваться изъ судейскихъ когтей, приводила меня въ отчаяніе. Я сожалѣлъ о подземельѣ. Правду сказать, разсуждалъ я, мнѣ тамъ было житье лучше здѣшняго: пилъ и ѣлъ хорошо, разгонялъ скуку разговорами, и жилъ въ пріятной надеждѣ, что могу со временемъ уйти, а теперь, не смотря на мою невинность, долженъ буду, можетъ статься, почитать за счастіе и то, когда попаду отсюда только на галеры.

ГЛАВА XIII.

Какой случай освободилъ Жилблаза изъ тюрьмы, и куда онъ пошелъ.

Въ такихъ-то веселыхъ размышленіяхъ провождалъ я время. Между тѣмъ приключенія мои разнеслись по городу. Многіе, желая меня видѣть, подходили одинъ за другимъ къ тюремному окну, и посмотрѣвъ на меня нѣсколько времени, уходили назадъ. Это показалось мнѣ удивительно. Съ тѣхъ поръ, какъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, я не видалъ ни одной души у этаго окна, которое было на

дворъ, гдѣ царствовали молчаніе и ужасъ. Я заключилъ, что обо мнѣ говорятъ въ городѣ, но не зналъ за доброе или за худое предзнаменованіе принимать это.

Въ числѣ приходившихъ смотрѣть меня былъ Мондонедской пѣвчій, который также какъ и я испугался пытки и убѣжалъ. Мы узнали другъ друга, и послѣ первыхъ привѣтствій, вступили въ пространный разговоръ. Я принужденъ былъ снова разсказать ему мои похожденія самымъ подробнымъ образомъ. Это произвело надъ моими слушателями два дѣйствія: одни смѣялись, другіе

сожалѣли.—Пѣвчій, съ своей стороны, разсказалъ мнѣ, что случилось въ Какабелосскомъ трактирѣ съ извощикомъ и молодою мѣщанкою, послѣ того, какъ мы разбѣжались. Отъ него узналъ я все, о чемъ упомянулъ уже выше. Потомъ, прощаясь со мною, онъ обѣщался похлопотать о моемъ освобожденіи. Всѣ, которые пришли ко мнѣ изъ любопытства, оказали свое сожалѣніе и увѣряли меня, что вмѣстѣ съ пѣвчимъ постараются доставить мнѣ свободу.

Они въ самомъ дѣлѣ сдержали свое обѣщаніе: начали просить обо мнѣ Коррежидо-

ра, который, выслушавъ показаніе пѣвчаго, пересталъ уже сомнѣваться о моей невинности, и черезъ три недѣли послѣ того пришелъ ко мнѣ въ тюрьму. „Если бы я былъ построже, сказалъ онъ мнѣ, то могъ бы еще долго продержать тебя здѣсь; но у меня нѣтъ привычки волочить просителей. Ты свободенъ. Ступай съ Богомъ куда тебѣ угодно... Скажи мнѣ, продолжалъ онъ, не можешь ли ты показать того мѣста, гдѣ разбойничье подземелье?“ Я отвѣчалъ, что вошелъ въ него ночью, и ночью же вышелъ, а потому не замѣтилъ, въ которой ча-

сти лѣса оно находится. Тутъ Коррежидоръ оставилъ меня, сказавши, что велитъ тюремщику меня выпустить. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ тюремщикъ съ однимъ своимъ товарищемъ, который несъ что-то въ узлѣ. Они скинули съ меня, не говоря ни слова и съ важнымъ видомъ, кафтанъ и исподнее платье, которые были почти новые, а надѣли старой парусинной балахонъ и вытолкнули изъ дверей.

Отъ стыда, что я въ такомъ нарядѣ, радость моя очень уменшилась. Я хотѣлъ въ ту же минуту убраться изъ города, чтобъ избѣжать

отъ взоровъ любопытныхъ людей; однако благодарность побѣдила стыдъ: я пошелъ къ пѣвчему, которому былъ такъ много обязанъ. Увидя меня, онъ не могъ удержаться отъ смѣху. „Что это? сказалъ онъ: за чѣмъ ты такъ нарядился? я было тебя не узналъ. Видно, братъ, что ты побывалъ въ лапахъ правосудія!"—О! отвѣчалъ я; грѣхъ пожаловаться на судъ: онъ очень справедливъ! Только желалъ бы я, чтобъ исполнители суда были честные люди. Имъ бы должно было оставить мнѣ хоть платье, за которое я заплатилъ, кажется, не худо.—

„Твоя правда, сказалъ пѣвчій, однакожь такъ всегда водится. Ты думаешь, можетъ быть, что твоя лошадь отдана первому ея хозяину? Ничуть не бывало! Она стоитъ теперь въ конюшнѣ у Секретаря, куда поставили ее въ доказательство воровства: хозяинъ не получитъ съ нее ни ремня. Но перестанемъ говорить объ этомъ. Скажи мнѣ, что ты хочешь теперь дѣлать?"— Пойду въ Бургосъ, отвѣчалъ я: тамъ живетъ госпожа, которую избавилъ я отъ разбойниковъ. Она дастъ мнѣ денегъ; на нихъ куплю новое платье и отправлюсь въ Саламанку,

а тамъ поищу себѣ какого нибудь мѣста. Теперь безпокоитъ меня только то, что я еще не въ Бургосѣ; безъ денегъ не далеко уйдешь. — „Объ этомъ не печалься, сказалъ пѣвчій; вся моя казна къ твоимъ услугамъ. Правду сказать, она не велика; но ты знаешь, что и я только пѣвчій, а не Архіерей.“ Тутъ вынулъ онъ изъ кармана кошелекъ, и подалъ мнѣ съ такимъ добродушіемъ, что я взялъ его не разсматривая. Я благодарилъ за это добраго пѣвчаго такъ много, какъ будто получилъ отъ него золотыя горы, и обѣщался ему отслужить въ

мою очередь, которая однакожь до меня никогда не доходила. Потомъ, простившись съ нимъ, вышелъ я изъ города, не заходя къ тѣмъ людямъ, которые старались за меня у Коррежидора: я благословлялъ ихъ въ душѣ своей.

Пѣвчій имѣлъ причину не хвастаться своимъ кошелькомъ. Я нашелъ въ немъ денегъ очень не много, да и то все мѣлкою монетою. По счастію, въ послѣдніе два мѣсяца я привыкъ къ умѣренности, и у меня еще оставалось нѣсколько реаловъ, когда пришелъ въ мѣстечко Понте де Мула. Оттуда было

недалеко до Бургоса. Желая освѣдомиться тутъ о Доннѣ Менціи, зашелъ я на постоялый дворъ, который содержала женщина малаго росту, сухая и пресердитая. Изъ перваго ея взгляду я примѣтилъ, что мой балахонъ ей не нравился; чему и не дивился. Сѣвши за столъ, поѣлъ я хлѣба съ сыромъ и выпилъ нѣсколько рюмокъ скверпаго вина. Во время ужина, сходнаго съ моимъ нарядомъ, попытался я завесть разговоръ съ хозяйкою, не смотря на презрѣніе, съ которымъ она обходилась со мною. Я просилъ ее сказать мнѣ, не знаетъ ли она Мар-

киза де ла Гардіа, далеко ли еще до его замка, и что сдѣлалось съ его женою? — Ты спрашиваешь вдругъ о многомъ, отвѣчала она гордо.— Однакожь наконецъ я узналъ отъ нее, что до замка не болѣе мили.

Окончивъ мой ужинъ, сказалъ я хозяйкѣ, что хочу спать, и просилъ отвести для меня комнату.—„Для тебя комнату? отвѣчала она съ пренебреженіемъ. У меня нѣтъ комнатъ для такихъ постояльцевъ, которые за ужиномъ ѣдятъ только сыръ. Всѣ постели ужь заняты: ко мнѣ будутъ ночевать порядочные люди. Ты можешь

лечь на сушилѣ; тебѣ, я думаю, не первый разъ спать въ такомъ мѣстѣ.“ Она угадала. Я не захотѣлъ съ нею спорить, и отправился на сушило, гдѣ скоро заснулъ, какъ человѣкъ давно привыкшій къ усталости.

ГЛАВА XIV.

Какой пріемъ сдѣлала въ Бургосѣ Жилблазу Донна Менція.

На другой день всталъ я очень рано, и пришедши къ хозяйкѣ, которая также

уже не спала, расплатился съ нею за ужинъ и ночлегъ. Она показалась мнѣ не такою спѣсивою и угрюмою, какъ вчера. Это происходило, можетъ быть, отъ присутствія трехъ приставовъ святой Германдадъ, которые разговаривали съ нею дружески. Они ночевали въ трактирѣ, и я догадался, что ихъ-то называла она порядочными людьми.

Въ Понте де Мула нашелъ я человѣка, который былъ также болтливъ, какъ пріятель мой Пеннафлорской трактирщикъ. Онъ сказалъ мнѣ о дорогѣ, по которой должно было идти къ Мар-

кизову замку, и въ добавокъ еще увѣдомилъ, что Донъ Амброзіо недѣли за три умеръ, а жена его живетъ въ одномъ Бургосскомъ монастырѣ. — И такъ я отправился въ Бургосъ. Пришедши туда, побѣжалъ я прямо въ тотъ монастырь, гдѣ жила Донна Менція, и попросилъ привратницу сказать ей, что одинъ молодой человѣкъ, вышедшій недавно изъ Асторгской тюрьмы, желаетъ съ нею видѣться. Монахиня пошла къ Маркизѣ, и возвратившись ко мнѣ черезъ минуту, повела меня въ прихожую. Тамъ увидѣлъ я вдову Дона Амброзіо въ глубокомъ траурѣ.

„Я очень рада вашему приходу—сказала она ласково. Недавно писала я въ Асторгу къ одному моему знакомому, чтобъ онъ попросилъ васъ отъ моего имени придти ко мнѣ тотчасъ, какъ выдете изъ тюрьмы. Я полагала, что васъ скоро выпустятъ, потому что передъ отъѣздомъ увѣрила Корреджидора въ вашей невинности. Мнѣ отвѣчали, что васъ освободили, но не знаютъ, куда вы дѣвались. Я уже боялась, что васъ не увижу, и лишусь удовольствія оказать вамъ свою благодарность... Но я примѣчаю, продолжала она, что вы сты-

дитесъ вашего платья. Будьте увѣрены, что не оставлю васъ въ этой крайности. Я помню вашу услугу, и имѣю такое состояніе, что могу сдѣлать вамъ хорошую помощь."

„Теперь—прибавила Донна Менція—разскажу вамъ, что случилось со мною съ тѣхъ поръ, какъ посадили насъ въ тюрьму. Асторгской Коррежидоръ, узнавши кто я, отправилъ меня въ Бургосъ. Пріѣздъ мой въ замокъ Дона Амброзіо привелъ всѣхъ въ большое удивленіе; но мнѣ сказали, что я пріѣхала уже поздо; что Маркизъ, пораженный моимъ побѣгомъ,

опасно занемогъ, и что Доктора отчаяваются въ его жизни. Это былъ для меня новый случай оплакивать несчастную судьбу мою. Однакожь я велѣла сказать ему о моемъ пріѣздѣ. Потомъ вошла въ его спальню, и со слезами бросилась на колѣни передъ его постелью. ,,За чѣмъ вы пріѣхали? сказалъ онъ увидя меня, Наслаждаться моимъ мученіемъ? Вы не довольны тѣмъ, что отнимаете у меня жизнь, хотите сами видѣть конецъ мой!" Выслушайте меня, Донъ Амброзіо! отвѣчала я. Инеса могла васъ увѣдомить, что я уѣхала съ первымъ моимъ

мужемъ; и вы никогда бы меня не увидѣли, еслибъ несчастный случай не лишилъ меня Дона Альвара. — Тутъ разсказала я о смерти Дона Альвара, и обо всемъ, что случилось со мною по отъѣздѣ изъ замка. Когда перестала я говорить, Маркизъ подалъ мнѣ руку. „Довольно, сказалъ онъ съ нѣжностью, я на васъ не жалуюсь! И могу ли упрекать васъ? Вы нашли супруга, котораго обожали; вы оставили меня для него: могу ли порицать этотъ поступокъ? Нѣтъ, я былъ бы несправедливъ, еслибъ сталъ негодовать на васъ. Я не хотѣлъ от-

править за вами погоню, хотя зналъ, что съ потерею васъ сопряжена смерть моя. Въ похитителѣ уважалъ я священныя права его и любовь, которую вы къ нему имѣли. Однимъ словомъ, вы поступили какъ должно, и теперь пріѣздомъ вашимъ получаете опять всю мою нѣжность. Такъ, любезная моя Менція, присутствіе ваше меня радуетъ, но, ахъ! этимъ благополучіемъ буду наслаждаться не долго! Чувствую, что приближается послѣдній часъ мой. Едва увидѣлъ васъ, какъ долженъ разстаться съ вами на вѣки!" Тутъ слезы мои удвоились; я чувствовала

чрезвычайную горесть, и не могла скрыть ее. Признаюсь даже, что потеря самаго Дона Альвара не стоила мнѣ такихъ слезъ.—Донъ Амброзіо не напрасно ожидалъ смерти: онъ скончался на другой день. Послѣ него осталось мнѣ великое богатство, но я не хочу сдѣлать изъ него худаго употребленія, и останусь навсегда вдовою. Только безстыдная женщина можетъ выдти въ третій разъ за мужъ. Притомъ же свѣтская жизнь мнѣ наскучила. Я намѣрена окончить дни свои въ этомъ монастырѣ, и отдать въ пользу его все мое имѣніе."

Такимъ образомъ кончила Донна Менція свою исторію. Потомъ вынула кошелекъ, и отдавая его мнѣ, сказала: „вотъ вамъ сто червонцевъ на платье, а тамъ придите ко мнѣ, и получите болѣе.“ Я благодарилъ ее, и клялся, что не простясь съ нею не выѣду изъ Бургоса. Послѣ этой клятвы, которую нарушить былъ не намѣренъ, пошелъ я искать ночлегу. Вошедши въ одинъ постоялый домъ, потребовалъ я особливой комнаты; а чтобъ балахонъ мой не подалъ обо мнѣ дурнаго мнѣнія, то сказалъ хозяину, что хотя я и плохо одѣтъ, однако могу за-

платить не худо. Хозяинъ, который назывался Мажуелло, и былъ великой насмѣшникъ, оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, отвѣчалъ съ улыбкою, что не имѣетъ нужды въ увѣреніи, и знаетъ, что я могу у него прожить много денегъ; что подъ худымъ платьемъ моимъ видитъ во мнѣ что-то благородное, и не сомнѣвается, чтобы я не былъ дворянинъ очень достаточный. Примѣтивъ, что бездѣльникъ смѣется надо мною, вздумалъ я кончить разомъ его насмѣшки: вынулъ кошелекъ мой, выложилъ червонцы на столъ, и началъ считать ихъ. Ско-

ро увидѣлъ я, что они заставили его судить обо мнѣ выгоднѣе.—Пересчитавъ деньги, попросилъ я его, чтобы привелъ ко мнѣ портнаго. „Гораздо лучше послать за ветошникомъ, отвѣчалъ онъ; вамъ принесутъ готовое платье, и вы можете тотчасъ нарядиться.“ Я одобрилъ этотъ совѣтъ; но какъ наступала уже ночь, то отложилъ мою покупку до утра, и думалъ только о томъ, какъ бы получше отужинать, чтобъ наградить себя за голодъ, который чувствовалъ я съ самаго выходу изъ подземелья.

ГЛАВА XV.

Какъ нарядился Жилблазъ; какой еще получилъ подарокъ отъ Донны Менціи; и въ каколъ состояніи поѣхалъ изъ Бургоса.

Мнѣ подали большое блюдо соусу изъ телячьихъ ножекъ, которыя почти всѣ убралъ я съ большимъ апетитомъ; вина выпилъ также довольно, и потомъ отправился спать. Постеля была хороша, и я надѣялся, что скоро засну богатырскимъ сномъ; однакожь не

могъ сомкнуть глазъ во всю ночь, и думалъ только, какое бы выбрать мнѣ платье. Что мнѣ дѣлать? разсуждалъ я. Поступить ли по первому моему намѣренію? купить ли такое платье, чтобы ѣхать въ Саламанку, и искать тамъ учительскаго мѣста?...Но для чегожь наряжаться мнѣ Лиценціатомъ? я не имѣю никакой охоты вступать въ духовное званіе. Нѣтъ, у меня совсемъ другая склонность! Дай сдѣлаюсь свѣтскимъ человѣкомъ, и стану искать счастія въ свѣтѣ.

И такъ рѣшился одѣться по дворянски, будучи увѣренъ,

что въ такомъ платьѣ не трудно сыскать честную и прибыльную должность. Я дожидался утра съ нетерпѣливостію, и лишь только стало разсвѣтать, вскочилъ съ постели, и поднялъ такой шумъ, что всѣхъ перебудилъ. Слуги, которыхъ звалъ я, были еще въ постеляхъ, и отвѣчали мнѣ бранью; однакожь напослѣдокъ должны были встать; — я не давалъ имъ покою до тѣхъ поръ, пока не пошли за ветошникомъ. Скоро пришелъ онъ съ двумя мальчиками, которые оба несли по большому узлу, завернутому въ крашенинѣ. Поклонясь мнѣ очень учтиво,

онъ сказалъ: „Счастливы, сударь, что къ вамъ позвали меня, а не другаго! Не подумайте, что хочу говорить худо про моихъ товарищей: сохрани меня Богъ! но, между нами сказано, нѣтъ изъ нихъ ни одного совѣстнаго человѣка, — настоящіе жиды! Только одинъ я промышляю честно, и доволенъ малымъ барышемъ. Мнѣ болѣе не надобно, какъ на копѣйку двадцать копѣекъ... извините, хотѣлъ сказать, на двадцать копѣекъ одну копѣйку. Благодаря Вога, живу порядочно!“,

Послѣ этаго предисловія, которое я съ простоты принялъ за сущую правду, ве-

тошникъ велѣлъ мальчикамъ развязать связки. Мнѣ показаны были платья всякаго роду; я откидывалъ съ презрѣніемъ тѣ, которыя были не такъ богаты. Наконецъ дали мнѣ надѣть одно, которое было какъ будто на меня шито, и такое нарядное, что мнѣ очень понравилось, хотя уже было немного поношено. Камзолъ, исподница и епанча были изъ голубаго бархата и вышиты золотомъ. Я захотѣлъ имѣть эту пару, и началъ торговать ее. Ветошникъ, видя, что она мнѣ полюбилась, сказалъ, что я человѣкъ со вкусомъ. — „Клянусь честью,

вскричалъ онъ, что вы знатокъ въ нарядахъ! Это платье сдѣлано было для одного вельможи, который надѣвалъ его не болѣе трехъ разъ. Посмотрите, какой бархатъ! объ шитьѣ нечего и говорить! работа мастерская!"—А что цѣна, спросилъ я?—,,Шестьдесятъ червонцевъ." Я подалъ ему сорокъ пять, хотя платье стоило только половину этихъ денегъ. ,,Милостивый государь, отвѣчалъ ветошникъ съ спокойнымъ видомъ, я никогда не торгуюсь. Извольте взять какую-нибудь пару изъ этихъ, продолжалъ онъ, указывая на тѣ, которыя я покупать не

хотѣлъ; я уступлю дешевлѣ.“ Эти слова только умножили желаніе мое купить нарядное платье, и я отсчиталъ ветошнику шестьдесятъ червонцевъ, воображая, что онъ съ цѣны ничего не сбавитъ. Если бы онъ зналъ мою щедрость, то, можетъ быть, запросилъ бы дороже; но впрочемъ былъ доволенъ, я думаю, и тѣмъ, что взялъ барыша на копѣйку двадцать копѣекъ.

И такъ досталъ я прекрасную епанчу, камзолъ и исподницу. Надобно было думать и о прочемъ уборѣ; это занимало меня цѣлое утро. Купилъ бѣлья, шляпу,

шелковыхъ чулокъ, башмаки и шпагу; и наконецъ одѣлся. Какъ пріятно мнѣ было видѣть себя въ такомъ нарядѣ! Глаза мои не могли, такъ сказать, насытиться моимъ уборомъ! Никогда павлинъ не смотрѣлъ на свои перья съ такимъ удовольствіемъ. — Въ этотъ день сдѣлалъ я другое посѣщеніе Доннѣ Менціи, которая опять приняла меня очень ласково, и снова благодарила за оказанную ей услугу. Мы насказали другъ другу множество учтивостей, и напослѣдокъ Донна Менція, пожелавъ мнѣ всякаго благополучія, простилась со мною, не давши ничего,

кромѣ перстня въ тридцать пистолей, который просила носить въ знакъ памяти.

Получивъ этотъ перстень, я остолбѣнѣлъ отъ удивленія, потому что ожидалъ подарка гораздо дороже. Досадуя на поступокъ Донны Менціи, отправился я повѣся носъ въ свой трактиръ. Въ слѣдъ за мною пришелъ туда какой-то человѣкъ. Когда онъ сбросилъ съ себя епанчу, то я примѣтилъ у него подъ пазухой большой кошелекъ, который, по видимому, былъ туго набитъ червонцами. Онъ положилъ его на столъ, и сказалъ мнѣ: „Господинъ Жилблазъ, эти деньги велѣла

отдать вамъ Маркиза.“ Мнѣ показалось, что слышу голосъ ангела; началъ дѣлать ему пренизкіе поклоны, осыпалъ учтивостями; когда же онъ вышелъ изъ трактира, то я бросился на кошелекъ, какъ ястребъ на добычу, и унесъ его въ свою комнату. Тамъ, не теряя ни минуты, развязалъ его и нашелъ тысячу червонцевъ.

Въ то время, какъ я пересчитывалъ ихъ, вошелъ ко мнѣ хозяинъ, который, слышавъ, что говорилъ мнѣ Маркизинъ человѣкъ, захотѣлъ провѣдать, сколько въ кошелькѣ денегъ. Увидя червонцы, разсыпанные по столу:

„Ахъ, Боже мой! вскричалъ онъ: какое множество денегъ!... Ну, господинъ Жилблазъ!—прибавилъ онъ съ лукакою усмѣшкою—видно, что вы умѣете приходить въ милость у богатыхъ женщинъ! Еще нѣтъ сутокъ, какъ вы здѣсь, а ужь Маркизы присылаютъ вамъ пошлину!“...

Эти слова были мнѣ по сердцу. Сначала мнѣ не хотѣлось выводить господина Мажуелло изъ заблужденія: молодому человѣку пріятно, если почитаютъ его счастливымъ въ любовныхъ дѣлахъ. Но откровенность моя побѣдила тщеславіе. Я разувѣ-

рилъ хозяина, и разсказалъ ему исторію Донны Менціи. Наконецъ открылъ ему чистосердечно мое состояніе, и видя, что онъ принимаетъ во мнѣ участіе, просилъ у него совѣтовъ.

Подумавъ нѣсколько минутъ, онъ отвѣчалъ мнѣ съ важнымъ видомъ: „Господинъ Жилблазъ! я примѣчаю, что вы человѣкъ доброй. Сдѣлавши мнѣ довѣренность, принуждаете и меня говорить съ вами откровенно. Скажу все, что думаю. Мнѣ кажется, вы сотворены для придворной жизни; а потому совѣтую вамъ ѣхать въ Мадритъ, и пристать къ какому

нибудь вельможѣ. Однакожь вамъ должно стараться имѣть участіе или въ дѣлахъ его, или въ забавахъ; въ противномъ случаѣ, вы только потеряете время. Знатные мнѣ извѣстны; они не уважаютъ усердія и привязанности честнаго человѣка, любятъ только того, кто для нихъ нуженъ. — У васъ есть еще одно средство, продолжалъ онъ: вы молоды, хороши собою, и еслибъ не имѣли ни сколько разума, то и тогда могли бы прельстить какую нибудь богатую вдову, или пригожую женщину, которая недовольна своимъ мужемъ. Любовь

разоряетъ людей богатыхъ, но часто даетъ пропитаніе бѣднымъ. Поѣзжайте въ столицу; однакожь вамъ не льзя отправиться безъ слуги. Тамъ судятъ, какъ и вездѣ, по наружности; и васъ примутъ хорошо, ежели покажетесь человѣкомъ достаточнымъ. Я сыщу вамъ слугу самаго вѣрнаго, умнаго, проворнаго, словомъ, такого, что скажете мнѣ спасибо. Купите двухъ муловъ, одного для себя, другаго для него, и поѣзжайте какъ можно скорѣе."

Этотъ совѣтъ мнѣ такъ понравился, что я рѣшился ему послѣдовать: купилъ двухъ хорошихъ муловъ, и нанялъ

того слугу, о которомъ говорилъ хозяинъ. Онъ былъ лѣтъ тридцати, простаго виду и очень набоженъ; родомъ былъ изъ Галиціи и назывался Амброзіемъ де Ламела. Всѣ лакеи бываютъ обыкновенно жадны къ деньгамъ, но онъ ни мало не походилъ на нихъ. Вмѣсто того, чтобъ запросить большое жалованье, онъ сказалъ мнѣ, что будетъ доволенъ тою платою, какую самъ я ему назначу. — И такъ на другой день, купивши чемоданъ для поклажи бѣлья и червонцевъ, расплатился я съ хозяиномъ, и отправился изъ Бургоса въ Мадритъ.

ГЛАВА XVI.

Учитъ, что не должно полагаться на счастіе.

Въ первый день остановились мы на ночлегъ въ Дуеннасѣ, а на другой пріѣхали въ четыре часа по полудни въ Валладолидъ. Мы вошли въ одинъ трактиръ, который казался мнѣ лучшимъ во всемъ городѣ. Слуга мой повелъ муловъ въ конюшню, а я пошелъ въ назначенную мнѣ комнату, куда велѣлъ принести и чемоданъ. Чувствуя усталость, бросился я на постель и скоро уснулъ. Пробудившись

уже въ сумерки, я звалъ Амброзія, но его не было въ трактирѣ; когда же онъ пришелъ, то на вопросъ мой, гдѣ онъ былъ? отвѣчалъ мнѣ съ смиреннымъ видомъ, что ходилъ въ церковь благодарить Бога за то, что сохранилъ насъ отъ всѣхъ несчастій на пути изъ Бургоса въ Валладолидъ. Я похвалилъ его, и потомъ велѣлъ изжарить цыпленка къ ужину.

Въ самое то время, какъ я отдавалъ этотъ приказъ, вошелъ въ мою комнату хозяинъ со свѣчкою въ рукѣ. За нимъ шла одна прекрасная дама, великолѣпно одѣ-

тая. Она опиралась на стараго слугу, а маленькой арабъ несъ ея шлейфъ. Представьте мое удивленіе, когда эта госпожа, сдѣлавши мнѣ низкой поклонъ, спросила, не я ли господинъ Жилблазъ де Сантиллана? Едва успѣлъ я сказать ей *да*, какъ она подбѣжала ко мнѣ съ великою радостью, и вскричала: „Слава Богу! я давно уже ищу васъ по городу!“ При этомъ восклицаніи вспомнилъ я Пеннафлорскаго объѣдалу и подумалъ, что пригожая дама такая же плутовка; но слѣдующія слова перемѣнили мое мнѣніе. „Вы видите во мнѣ, продолжала она, двоюродную

сестру Донны Менціи де Москеры, которая вамъ такъ много обязана. Сего дня поутру получила я отъ нее письмо; она пишетъ, что вы поѣхали въ Мадритъ, и проситъ, чтобы я васъ угостила, ежели будете проѣзжать чрезъ нашъ городъ. Не зная, гдѣ вы остановились, я цѣлые два часа ѣздила по всѣмъ постоялымъ дворамъ, и наконецъ, по описанію, которое сдѣлалъ мнѣ вашъ хозяинъ, догадалась, что вы должны быть избавитель моей сестры . . . Ахъ, какъ я рада, что васъ нашла! Вы увидите, что умѣю благодарить за услуги, оказан-

ныя моимъ родственникамъ, а особливо любезной моей сестрицѣ! Прошу васъ переѣхать ко мнѣ въ домъ; тамъ будетъ для васъ гораздо спокойнѣе, нежели здѣсь."

Я не соглашался, отговариваясь тѣмъ, что могу ее обезпокоить; но наконецъ долженъ былъ уступить ея просьбамъ. У воротъ трактира ожидала насъ карета. Пригожая госпожа сама старалась, чтобъ принесли мой чемоданъ, потому (говорила она) что въ Валладолидѣ много воровъ. И это сущая правда!... Напослѣдокъ сѣлъ я въ карету съ нею и старымъ ея слугою, и уѣхалъ

изъ трактира къ великой досадѣ хозяина, который думалъ отъ меня довольно поживиться.

Черезъ нѣсколько времени карета наша остановилась передъ однимъ хорошимъ домомъ, и мы вошли въ залу, богато убранную и освѣщенную множествомъ свѣчь. Въ ней стояли слуги, у которыхъ госпожа тотчасъ спросила: не пріѣхалъ ли Донъ Рафаель? Они отвѣчали, что его еще нѣтъ.— Тутъ, оборотясь ко мнѣ, она сказала: „я жду моего брата; онъ долженъ пріѣхать сего дня изъ одного замка, который мы имѣемъ за двѣ мили отсюда.

Какъ онъ будетъ радъ, увидя въ своемъ домѣ такого человѣка, которому вся наша фамилія обязана!"—Едва успѣла она сказать это, какъ услышали мы большой шумъ на лѣстницѣ, и узнали, что онъ происходитъ отъ пріѣзда Дона Рафаеля. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ залу молодой мущина, статный и прекрасный собою. „Ахъ, братецъ, какъ я рада, что вы пріѣхали!—сказала ему госпожа:—вы поможете мнѣ угостить господина Жилблаза де Сантиллану! Мы постараемся показать ему свою благодарность за услугу, которую онъ сдѣлалъ ми-

лой нашей Менціи. Посмотрите, что она ко мнѣ пишетъ!" Тутъ подала она ему письмо, и Донъ Рафаель сталъ читать вслухъ:

„Любезная моя Камилла!— „Господинъ Жилблазъ де Сан„тиллана, который спасъ мнѣ „честь и жизнь, поѣхалъ въ „Мадритъ. Онъ безъ сомнѣ„нія поѣдетъ черезъ Валла„долидъ. Прошу васъ име„немъ родства и дружбы на„шей, угостить его и удер„жать на нѣсколько времени „у себя. Надѣюсь, что вы „сдѣлаете мнѣ это удоволь„ствіе, и что избавитель „мой будетъ дружески при-

„нятъ вами и Дономъ Ра-
„фаелемъ.“

Преданная вамъ Донна
Менція.

„Какъ! — вскричалъ Донъ Рафаель, прочитавъ письмо:— вы тотъ кавалеръ, который спасъ жизнь нашей родственницѣ! Ахъ! могу ли чѣмъ заплатить за ваше благодѣяніе!“ Говоря это, подходитъ ко мнѣ и обнимаетъ съ восхищеніемъ. „Какое счастіе!— продолжалъ онъ: — я вижу у себя въ домѣ господина Жилблаза де Сантиллану!...Маркизѣ не нужно было просить, чтобъ мы васъ хорошо приняли: ей стоило только на-

писать, что вы поѣдете чрезъ Валлядолидъ! Повѣрьте, что я и сестра моя знаемъ, какъ обходиться съ человѣкомъ, который оказалъ величайшую услугу любезной нашей Менціи." Я отвѣчалъ на это такъ учтиво, какъ умѣлъ; послѣ чего хозяева мои оказывали мнѣ новыя ласки, и безпрестанно говорили, что имъ очень пріятно видѣть меня у нихъ въ домѣ.

Потомъ пошли мы въ другую комнату, гдѣ приготовленъ былъ ужинъ. Во время стола они говорили мнѣ множество учтивостей: во всякомъ словѣ моемъ на-

ходили что нисудь умное, и восхищались моею остротою. Подчивали меня прекрасно. Донъ Рафаель часто пилъ за здоровье Донны Менціи, и мнѣ казалось, что Камилла, которая также съ нами подпивала, кидала иногда на меня самые умильные взгляды. Я замѣтилъ даже, что она выбираетъ для того время, опасаясь повидимому своего брата. Этаго было довольно, чтобъ вскружить мнѣ голову: я подумалъ, что красавица въ меня влюбилась, и рѣшился воспользоваться такимъ пріятнымъ открытіемъ. Эта надежда была причиною, что я безъ

труда согласился пробыть нѣсколько дней въ Валладолидѣ. Донъ Рафаель благодарилъ меня за мое снисхожденіе; и радость, которую Камилла показывала при этомъ случаѣ, утвердила меня въ томъ мнѣніи, что я ей очень полюбился.

Донъ Рафаель, видя, что я рѣшился остаться у нихъ на нѣкоторое время, предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ его замокъ. Онъ описалъ его великолѣпно, и разсказывалъ объ удовольствіяхъ, которыя тамъ мнѣ доставитъ. „То будемъ ѣздить на охоту—говорилъ онъ—то на рыбную ловлю; а ежели вы

любите прогуливаться, ў насъ есть прекрасные лѣса и сады. При томъ же, будемъ имѣть хорошее общество, и я надѣюсь, что вамъ не будетъ скучно.“ Я согласился на это предложеніе, и рѣшено было ѣхать на другой день. Когда встали изъ за стола, то Донъ Рафаель, почти внѣ себя отъ радости, обнялъ меня и сказалъ: „Теперь, господинъ Жилблазъ, останьтесь на минуту съ сестрою: пойду сказать, чтобъ все было готово къ отъѣзду, и велю увѣдомить тѣхъ, которыхъ хочу пригласить съ нами.“ Сказавши, вышелъ онъ изъ комнаты, и

я остался одинъ съ Камиллою. Продолжая разговаривать съ нею, я примѣтилъ, что слова ея были согласны съ тѣми пріятными взглядами, которые она бросала на меня за ужиномъ. Взявъ руку мою и посмотрѣвъ на мой перстень: „Этотъ алмазъ, сказала она, довольно хорошъ, однакожь очень малъ. Знатоки ли вы въ камняхъ?“ — Я отвѣчалъ, что нѣтъ. — „Жаль; вы бы сказали мнѣ, чего стоитъ мой перстень!“ Тутъ она подала мнѣ большой рубинъ, который былъ у нее на пальцѣ; и между тѣмъ, какъ я разсматривалъ его, сказала, что онъ пода-

ренъ ей дядею, который былъ Губернаторомъ на Филипинскихъ островахъ, и что Ювелиры цѣнятъ его въ триста пистолей.—Да, отвѣчалъ я, онъ очень хорошъ.—,,Хорошъ? такъ помѣняемся съ вами.“ И не давши мнѣ отвѣчать, беретъ мой перстень, и надѣваетъ свой мнѣ на мизинецъ.—Послѣ этой мѣны, которая показалась мнѣ только за учтивый способъ дарить, Камилла пожала мнѣ руку и взглянула на меня съ страстнымъ видомъ, но потомъ вдругъ прервавъ разговоръ свой, пожелала мнѣ доброй ночи, и ушла въ великомъ смущеніи, какъ будто

стыдясь, что слишкомъ ясно показала свои чувства.

Хотя я былъ еще новичекъ въ любовныхъ дѣлахъ, однако могъ разсудить, что этотъ скорой уходъ ея есть знакъ добрый, и что не худо проведу время за городомъ. Въ такой лестной надеждѣ заперся я въ отведенной для меня комнатѣ, сказавши слугѣ, чтобы разбудилъ меня на другой день поранѣе. Вмѣсто того, чтобъ спать, я предался разнымъ пріятнымъ размышленіямъ, которыя возбуждалъ мой чемоданъ и богатой перстень. „Слава Богу! говорилъ я, теперь и на нашей улицѣ праздникъ!... Съ

одной стороны тысяча червонцевъ, съ другой перстень въ триста пистолей: капиталъ порядочной!... Мажуелло говорилъ правду. Вижу самъ, что вскружу голову многимъ женщинамъ въ Мадритѣ, когда я такъ легко полюбился Камиллѣ.“. . .

Благосклонность и щедрость этой дамы представлялись мнѣ со всѣми ея прелестями, и я уже напередъ наслаждался тѣми забавами, которыя Донъ Рафаель готовилъ для меня въ своемъ замкѣ. Между тѣмъ, посреди такихъ пріятныхъ мечтаній, почувствовалъ я, что меня клонитъ ко сну; раздѣлся и бросился на постелю.

На другой день, проснувшись, увидѣлъ я, что на дворѣ уже не рано. Мнѣ показалось странно, что слуга мой не приходилъ будить меня. Вѣрной мой Амброзій, думалъ я, конечно въ церкви, или не много залѣнился. Но скоро я потерялъ объ немъ это мнѣніе, и получилъ другое, весьма невыгодное: вставши съ постели, не нашелъ я любезнаго моего чемодана!... Тотчасъ приходитъ мнѣ на умъ, что проклятой лицемѣръ обокралъ меня!... Чтобъ увѣриться въ этой печальной истинѣ, отворяю дверь и кличу Амброзія нѣсколько разъ. На голосъ мой является

какой-то старикъ, и говоритъ мнѣ: „Что вамъ угодно, сударь? всѣ ваши люди уѣхали изъ моего дому еще до разсвѣта.“ — Какъ, изъ твоего дому? вскричалъ я: развѣ я не у Дона Рафаеля?— „Я не знаю никакого Дона Рафаеля, отвѣчалъ онъ: вы въ трактирѣ, а я хозяинъ. Вчера ввечеру, за часъ до вашего пріѣзду, была у меня та женщина, которая съ вами ужинала, и наняла эти покои для какого-то знатнаго господина. Она сказала мнѣ, что онъ путешествуетъ *инкогнито*, и даже заплатила деньги впередъ.“

Тутъ дѣло открылось. Я узналъ, что должно было думать о Камиллѣ и о Донѣ Рафаелѣ, и догадался, что слуга мой, провѣдавши о моихъ деньгахъ, продалъ меня этимъ мошенникамъ. Вмѣсто того, чтобы обвинять самаго себя въ моемъ несчастіи, котораго бы не случилось, еслибъ не разсказалъ, Богъ знаетъ за чѣмъ, всѣ тайны свои трактирщику Мажуелло, — началъ я жаловаться на судьбу, которая всегда у насъ безъ вины виновата. Хозяинъ, выслушавъ мое приключеніе, жалѣлъ обо мнѣ, и досадовалъ, что это плутовство случилось у него

въ домѣ; но, кажется, онъ имѣлъ въ томъ столько же участія, какъ и господинъ Мажуелло, которому впрочемъ должно приписать честь этаго изобрѣтенія.

ГЛАВА XVII.

Что вздумалъ сдѣлать Жилблазъ послѣ своего несчастія.

Оплакавъ довольно свое горе, разсудилъ я, что вмѣсто безполезныхъ сѣтованій должно мнѣ ополчиться на злую судьбу мою. Я призвалъ

на помощь мужество, и, одѣваясь, утѣшалъ себя тѣмъ, что бездѣльники не унесли моего платья и тѣхъ червонцевъ, которые были у меня въ карманѣ. Я благодарилъ ихъ за такой доброй поступокъ. Они были такъ великодушны, что даже оставили мнѣ дорожные мои сапоги; я продалъ ихъ хозяину за третью долю цѣны, и вышелъ изъ трактира, не имѣя, слава Богу, нужды въ человѣкѣ, который бы несъ мои пожитки.

Прежде всего пошелъ я въ тотъ трактиръ, гдѣ остановился наканунѣ: мнѣ хотѣлось посмотрѣть, нѣтъ ли

тамъ моихъ муловъ, хотя былъ увѣренъ, что плутъ Амброзій не забылъ и ими воспользоваться.... О! если бы я всегда судилъ объ немъ такъ справедливо!... Мнѣ сказали, что онъ увелъ ихъ еще въ тотъ же вечеръ.—И такъ, не надѣясь отыскать ни ихъ, ни милаго моего чемодана, бродилъ я печально по улицамъ и придумывалъ, что мнѣ дѣлать. Покушался возвратиться въ Бургосъ, и опять прибѣгнуть къ Доннѣ Менціи; но, разсуждая, что такимъ поступкомъ употреблю ея благосклонность во зло, и покажу себя сверхъ того дуракомъ, оставилъ это

намѣреніе.—Тысячу разъ клялся я не вѣрить впередъ женщинамъ! и, правду сказать, въ то время не повѣрилъ бы даже цѣломудренной Сусаннѣ... Иногда посматривалъ я на свой перстень; но вспомнивъ, что это подарокъ Камиллы, не могъ удержаться отъ вздоху. „Увы! говорилъ я самъ себѣ, — я не знатокъ въ рубинахъ, но знаю тѣхъ людей, которые ими мѣняются!... Нужно ли идти къ Ювелиру, чтобы увѣриться въ моей глупости?“

Однакожь я захотѣлъ узнать, что стоитъ перстень; пришелъ къ Ювелиру, и—онъ оцѣнилъ его въ три червонца!

При этой оцѣнкѣ, которая впрочемъ меня не удивила, началъ я снова посылать къ чорту племянницу Губернатора Филипинскихъ острововъ!

Идучи отъ Ювелира, встрѣтился я съ однимъ молодымъ человѣкомъ; онъ остановился, и смотрѣлъ на меня пристально. Сначала я не могъ узнать его.—,,Что это, братъ Жилблазъ? сказалъ онъ: ты притворяешься, что меня не знаешь? . . . Не ужь-то сынъ цырюльника Нуннеца въ два года такъ перемѣнился, что его и узнать не льзя? Я твой товарищъ Фабрицій! . . Помнишь ли, какъ мы спорили

у Доктора Годинеца?“ Я узналъ его прежде, нежели онъ окончилъ эти слова, и мы обнялись дружески.—„Ахъ, любезный Фабрицій! сказалъ я ему: мнѣ очень пріятно, что тебя вижу; ты не можешь вообразить, какъ я радъ нашей встрѣчѣ!“. . . — Но что на тебѣ за нарядъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ. Ты одѣтъ, какъ Принцъ! славная шпага, шелковые чулки, бархатная епанча! . . . О! это что нибудь значитъ! Бьюсь объ закладъ, что подцѣпилъ какую нибудь добреньку старушку, которая тебя такъ рядитъ! — „Ошибаешься, мой другъ, отвѣчалъ

я со вздохомъ: мои дѣла не въ такомъ состояніи, какъ думаешь!"—Пустое, пустое! ты скромничаешь!..А этотъ перстень, господинъ Жилблазъ, откуда? прошу сказать!—„Откуда? отъ величайшей плутовки!.. Ахъ, Фабрицій, любезный мой Фабрицій! ты думаешь, что Валладолидскія госпожи даютъ мнѣ деньги: нѣтъ, другъ мой, не я ихъ подцѣпилъ, а онѣ меня!"

Послѣднія слова проговорилъ я съ такимъ печальнымъ видомъ, что Фабрицій могъ догадаться, что со мною сыграна какая нибудь непріятная шутка, и захо-

тѣлъ узнать, почему я жалуюсь на прекрасный полъ?... Я безъ труда согласился удовольствовать его любопытство; но такъ какъ повѣсть моя была довольно продолжительна, а намъ не хотѣлось разстаться скоро, то пошли въ одинъ трактиръ. Тамъ, за завтракомъ, я разсказалъ ему все, что случилось со мною по выѣздѣ изъ Овіедо. Приключенія мои показались ему довольно странны, и онъ, увѣривъ меня, что принимаетъ большое участіе въ моемъ состояніи, сказалъ: „Другъ мой, умному человѣку не должно отчаяваться: это отличаетъ

его отъ дурака. Дуракъ въ несчастіи — горюетъ; умной —терпѣливо ожидаетъ лучшаго времени!.. Цицеронъ говоритъ: никто не долженъ унывать до такой степени, чтобъ позабыть, что онъ человѣкъ. И это правда! Скажу о себѣ: никакое несчастіе не можетъ привесть меня въ отчаяніе—я всегда выше судьбы! Напримѣръ: въ Овіедо полюбилъ я одну дѣвушку; и она меня полюбила. Сватаюсь къ ней — отецъ ея мнѣ отказываетъ. Другой бы умеръ съ печали, а я — подивись твердости моего духа— я увезъ ее! Она была весела, вѣтрена, кокетка—слѣдствен-

но предпочитала удовольствіе своей должности. Я прогуливался съ нею цѣлые полгода по всей Галиціи; она получила охоту къ путешествіямъ, и вздумала отправиться въ Португалію, но—выбрала себѣ товарищемъ другаго... Новой случай къ отчаянію! Однако я перенесъ это несчастіе равнодушно, и поступилъ гораздо умнѣе Менелая: не вооружался на Париса, который сманилъ мою Елену, и даже радовался, что онъ избавилъ меня отъ такого сокровища! Потомъ, не желая возвращаться въ Астурію, гдѣ правосудіе могло бы со мною

поссориться, поѣхалъ я въ Леонъ, и проживалъ по городамъ деньги, которыя оставались у меня отъ похищенія моей Инфанты, потому что при отъѣздѣ изъ Овіедо мы кое-что захватили. Но скоро казна моя вся вышла, и я пріѣхалъ въ Паленцію съ однимъ червонцемъ. Часть его должно было издержать на покупку башмаковъ, а остальными деньгами не льзя было прожить долго. Положеніе мое сдѣлалось довольно затруднительно: я началъ уже держать діету. Надобно было приняться за какую нибудь работу, и я рѣшился пойти въ лакеи. —

Первое мѣсто мое было у одного богатаго купца, который торговалъ сукномъ, и у котораго сынъ былъ великой мотъ. Въ домѣ его нашелъ я убѣжище отъ голоду, но много и хлопотъ. Отецъ приказывалъ мнѣ присматривать за сыномъ; сынъ просилъ, чтобъ я помогалъ ему обманывать отца; должно было выбрать то или другое: я предпочелъ просьбу приказанію, а за это предпочтеніе меня согнали. Послѣ служилъ я у стараго живописца, который изъ дружбы захотѣлъ научить меня своему искуству; но обучая, едва не уморилъ съ

голоду. Это произвело во мнѣ отвращеніе отъ живописи и отъ Паленціи. Я пришелъ въ Валладолидъ, и здѣсь, къ величайшему моему счастію, нанялся въ домъ госпитальнаго надзирателя. Теперь живу у него, и очень доволенъ своимъ мѣстомъ. Господинъ Мануель Ордонецъ, мой баринъ, человѣкъ пренабожной: ходитъ всегда потупивши глаза въ землю, и носитъ большія четки. Говорятъ, что онъ давно уже старается о бѣдныхъ, и старается съ великимъ усердіемъ. За то Богъ и наградилъ его! Ты не можешь себѣ представить, какая благодать

надъ этимъ человѣкомъ! онъ обогатился, стараясь о пользѣ бѣдныхъ!". . .

Когда Фабрицій кончилъ, я сказалъ ему: „Сердечно радуюсь, что ты доволенъ своимъ состояніемъ; но, сказать правду, ты могъ бы найти и не лакейское мѣсто. Съ твоимъ умомъ можно въ свѣтѣ играть хорошую ролю!"— И! другъ мой! что ты говоришь? отвѣчалъ Фабрицій. Знаешь ли, что для человѣка съ моимъ нравомъ нѣтъ состоянія лучше? Лакейское ремесло трудно—признаюсь! но только для дурака; для умнаго же нѣтъ ничего пріятнѣе. Онъ нанимается слу-

жить не съ такимъ намѣреніемъ, какъ глупецъ; входить въ домъ съ тѣмъ, что бы повелѣвать, а не повиноваться! сначала старается узнать нравъ господина, потомъ получаетъ его довѣренность, и наконецъ водитъ его за носъ!.. Такъ и я поступилъ съ моимъ господиномъ. Увидя, что онъ выдаетъ себя за самаго благочестиваго человѣка, я притворился, что почитаю его такимъ; это ничего не стоитъ; я сдѣлалъ еще болѣе: началъ подражать ему, и — играя передъ нимъ ту ролю, которую онъ игралъ передъ другими—обманулъ обманщика,

и вошелъ у него въ большую милость. Надѣюсь, что со временемъ и я, подъ его руководствомъ, вмѣшаюсь въ дѣла бѣдныхъ, и, можетъ быть, также сдѣлаю себѣ состояніе, потому что чувствую такую же любовь къ ихъ добру, какъ и мой баринъ.—

„Вотъ прекрасныя надежды! сказалъ я: поздравляю тебя, любезный Фабрицій! Чтожь касается до меня, то опять примусь за прежнее мое намѣреніе. Перемѣню шитое мое платье на студенческой кафтанъ, отправлюсь въ Саламанку, и тамъ поищу учительскаго мѣста.“— Хо-

рошее намѣреніе! вскричалъ Фабрицій. Вотъ ужь самая счастливая мысль!.. Скажи пожалуй, что за охота сдѣлаться педантомъ, и въ твои годы! Знаешь ли несчастный, чего надобно тебѣ ожидать отъ такой должности?.. Когда вступишь въ какой нибудь домъ учителемъ, всѣ станутъ примѣчать за тобою; всякой будетъ смотрѣть на поступки твои съ величайшимъ вниманіемъ; тебѣ должно будетъ безпрестанно притворяться и принимать на себя такой видъ, какъ будто имѣешь всѣ возможныя добродѣтели; не останется тебѣ ни минуты на

удовольствія; вѣчно присматривая за ученикомъ твоимъ, долженъ будешь безпрестанно сердиться и бранить его, когда онъ скажетъ или сдѣлаетъ что нибудь непристойное. И послѣ такихъ трудовъ, послѣ такого притворства, какую получишь прибыль? Ежели ученикъ твой будетъ негодяй, скажутъ, что ты худо смотрѣлъ за нимъ, и тебя отпустятъ безъ награды, даже безъ жалованья, которое ты заслужилъ. Нѣтъ, не говори мнѣ болѣе объ учительской должности: она несносна! То ли дѣло быть лакеемъ! у него нѣтъ трудныхъ обязан-

постей! . . Какая ему нужда, что господинъ его имѣетъ пороки? онъ льститъ имъ, и часто обращаетъ ихъ въ свою пользу. . . Лакею въ порядочномъ домѣ житье масляница: пьетъ, ѣстъ хорошо, и засыпаетъ, какъ дитя, въ счастливой безпечности. . . Но я никогда не кончу, ежели стану вычислять всѣ выгоды, которыя имѣютъ лакеи. Повѣрь мнѣ, Жилблазъ, оставь охоту быть учителемъ, и послѣдуй моему примѣру!—,,Хорошо, отвѣчалъ я, однако не всегда попадаются госпитальные надзиратели; а если я вздумаю пойти въ лакеи, то хотѣлъ бы по

крайней мѣрѣ попасть къ доброму господину."—О! это сущая правда, сказалъ Фабрицій; положись на меня: даю честное слово сыскать тебѣ хорошее мѣсто; и я сдѣлалъ бы это для всякаго порядочнаго человѣка, чтобъ только не допустить до учительскаго званія.—

Бѣдность моя и довольный видъ Фабриція убѣдили меня болѣе, чѣмъ всѣ его доказательства; и я рѣшился вступить въ службу къ какому нибудь господину. Потомъ вышли мы изъ трактира, и землякъ мой сказалъ мнѣ: „я поведу тебя теперь же къ одному человѣку, отъ

котораго можно узнать, нѣтъ ли гдѣ хорошаго мѣста. Прежде онъ былъ монахомъ, а послѣ завелъ шпіоновъ, которые разсказываютъ ему, что дѣлается во всякомъ домѣ. Онъ знаетъ кому нуженъ слуга, и ведетъ всѣмъ порожнимъ мѣстамъ реэстръ, въ которомъ отмѣчаетъ всѣ добрыя и худыя качества господъ. Я ему обязанъ, что попалъ къ теперешнему моему господину.“

Разсказывая объ этой странной конторѣ, Фабрицій привелъ меня въ глухой переулокъ. Вошедши въ одинъ домикъ, мы увидѣли человѣка лѣтъ пятидесяти, кото-

рый сидѣлъ за столомъ и писалъ. Мы поклонились ему очень учтиво; но онъ, будучи спѣсивъ отъ природы, или привыкши видѣть у себя только лакеевъ и кучеровъ, не привсталъ со стула, и едва кивнулъ головою. Однако онъ посмотрѣлъ на меня съ особливымъ вниманіемъ, удивляясь, что молодой человѣкъ въ шитомъ кафтанѣ хочетъ сдѣлаться лакеемъ. Ему скорѣе можно было подумать, что пришли требовать у него слуги. Однако Фабрицій не далъ ему долго сомнѣваться о моемъ намѣреніи, сказавши: „Позвольте, господинъ Аріасъ де Лон-

донна, представить вамъ одного изъ лучшихъ моихъ друзей. Онъ хорошей фамиліи; но несчастія довели его до необходимости наняться къ какому нибудь господину. Сдѣлайте одолженіе, найдите для него порядочное мѣсто; вы можете надѣяться на его благодарность."—Всѣ вы, господа—отвѣчалъ хладнокровно Аріасъ — пока безъ мѣста, обѣщаете, Богъ знаетъ, что; попадетесь къ хорошему господину—и забыли обѣщаніе.—,,Какъ!—сказалъ Фабрицій: развѣ вы мною не довольны?"—Не совсемъ-то доволенъ, отвѣчалъ Аріасъ.—Твое мѣсто стоитъ управи-

тельскаго, а ты заплатилъ мнѣ такъ, какъ будто служишь у сочинителя. Тутъ я сказалъ г. Аріасу, что желая заслужить доброе его мнѣніе, хочу благодарить его даже прежде услуги, и вынувъ изъ кармана два червонца, подалъ ему, съ обѣщаніемъ дать болѣе, ежели получу хорошее мѣсто.

Онъ былъ очень доволенъ моимъ поступкомъ. „Люблю, когда такъ со мною обходятся—сказалъ онъ. Теперь есть прекрасныя мѣста: я покажу тебѣ реэстръ, и ты можешь выбрать любое.“ Сказавши это, онъ надѣваетъ очки, и развернувъ реэстръ,

который лежалъ на столѣ, читаетъ: „Нуженъ лакей для Капитана Торбелино, человѣка вспыльчиваго, жестокаго и своенравнаго. Онъ безпрестанно ругаетъ, бьетъ, и даже увѣчитъ своихъ слугъ.“—Нѣтъ, нѣтъ—вскричалъ я при этомъ описаніи—господинъ Торбелино не по моему вкусу. Аріасъ улыбнулся и продолжалъ: „нѣтъ слуги у Донны Мануелы де Сандоваль, старой вдовы, бранчивой и своенравной. Она держитъ только по одному слугѣ, но и тотъ не можетъ прожить у ней болѣе одного дня. Въ ея домѣ есть платье, которое сшито лѣтъ за

десять, и которое надѣваетъ она на всѣхъ лакеевъ, какого бы росту они ни были. Можно сказать, что они только примѣриваютъ его, и потому оно совсемъ ново, хотя уже двѣ тысячи слугъ его носили.... Надобенъ слуга лѣкарю Альвару Фаннецу. Онъ кормитъ слугъ хорошо, одѣваетъ порядочно и даже даетъ большое жалованье, но заставляетъ ихъ принимать свои лѣкарства для опыту. Ему часто нужны лакеи."

О! я повѣрю этому, сказалъ Фабрицій улыбаясь. Однакожь вы предлагаете намъ мѣста славныя! — „Потерпи,

дружокъ, отвѣчалъ Аріасъ де Лондонна, мы не прочитали еще всего реэстра. Будутъ и такія, которыя полюбятся. Тутъ продолжалъ онъ читать: „Донна Альфонса де Солисъ, богомольная старуха, которая проводитъ двѣ трети дня въ церкви и требуетъ отъ слуги, чтобъ всегда былъ при ней — не имѣетъ лакея ужь три недѣли. Лиценціатъ Седилло, старой Каноникъ здѣшней соборной церкви, вчера ввечеру согналъ своего слугу....“ — Постойте, постойте! господинъ Аріасъ де Лондонна, закричалъ Фабрицій. Намъ нравится это послѣднее мѣсто. Лиценціатъ

Седилло другъ моего барина, и я его совершенно знаю. У него живетъ одна набожная женщина, по имени Гіацинта, и управляетъ всѣмъ домомъ. Для тебя, Жилблазъ, это мѣсто не дурно: жить спокойно, и нѣтъ ни въ чемъ недостатка! Къ томужь Каноникъ человѣкъ больной, старой подагрикъ; онъ скоро будетъ писать духовную, и вѣрно слугу не забудетъ. Не будемъ терять времени, пойдемъ скорѣе къ Лиценціату; я самъ тебя представлю, и буду за тебя порукою. — И такъ опасаясь пропустить этотъ хорошій случай, тотчасъ

простились мы съ господиномъ Аріасомъ, который обнадежилъ меня, что деньги мои не пропадутъ, и что ежели не получу мѣста у Каноника, то найдетъ для меня другое.

ЖИЛБЛАЗЪ ДЕ САНТИЛЛАНА.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Фабрицій приводитъ Жилблаза къ Лиценціату Сидилло, который принимаетъ его къ себѣ въ домъ. Въ каколъ состояніи былъ этотъ Каноникъ. Портретъ его управительницы.

Боясь опоздать, побѣжали мы бѣгомъ къ Лиценціату. Двери были заперты; мы

постучались, и намъ отворила дѣвочка лѣтъ десяти, которую управительница называла, на зло клеветникамъ, своею племянницею. Въ то время, какъ мы спрашивали у нее, можно ли видѣть Каноника, вышла госпожа Гіацинта. Она была уже не такъ молода, но очень не дурна собою и довольно еще свѣжа. На ней было простое шерстяное платье, а за поясомъ висѣли большія четки и связка ключей. Мы поклонились ей почтительно, и она приняла насъ очень ласково, однакожь съ смиреннымъ видомъ и потупивъ глаза въ землю.

„Я узналъ, сказалъ мой товарищъ, что господину Седилло нуженъ слуга, и для того привелъ къ вамъ этаго молодаго человѣка, которымъ вѣрно будете довольны.“ — Тутъ управительница посмотрѣла на меня пристально, и не зная какъ согласить мое шитое платье съ словами Фабриція, спросила, не ужь-то въ самомъ дѣлѣ хочу пойти въ лакеи? — „Не удивляйтесь, сударыня, отвѣчалъ Фабрицій: его принуждаютъ къ тому обстоятельства. Но онъ забудетъ свои несчастія, продолжалъ мой товарищъ умильнымъ голосомъ, ежели будетъ имѣть

счастіе вступить въ вашъ домъ, и жить съ добродѣтельною Гіацинтою, которая достойна быть управительницею Индѣйскаго Патріарха !“ — Гіацинта перестала смотрѣть на меня, а занялась человѣкомъ, который говорилъ ей такія учтивости.—Мнѣ кажется, что я васъ гдѣ-то видѣла—сказала она Фабрицію—но, право, не могу вспомнить. — ,,Цѣломудренная Гіацинта, отвѣчалъ Фабрицій, мнѣ пріятно, что вы удостоили меня вашимъ взглядомъ. Я былъ два раза у васъ въ домѣ съ господиномъ Мануелемъ Ордонецомъ, госпитальнымъ надзирате-

лемъ." — Да, да, теперь я вспомнила! — сказала Гіацинта. О! если вы служите у господина Ордонеца, то вы конечно самыхъ честныхъ правилъ; и этому человѣку не нужно лучшей рекомендаціи. Пойдемте, продолжала она, къ господину Седилло: онъ радъ будетъ хорошему слугѣ.

Мы пошли за госпожею Гіацинтою. Каноникъ жилъ внизу, и имѣлъ четыре комнаты, хорошо убранныя. Попросивши, чтобъ подождали нѣсколько минутъ, она пошла въ спальню Лиценціата, и доложила ему объ насъ; послѣ чего возвратилась къ

намъ, сказавъ, что мы можемъ его видѣть. Старой подагрикъ сидѣлъ въ креслахъ, обкладенъ подушками; ноги его покоились на пуховой скамейкѣ. Мы подошли къ нему съ большими поклонами, и Фабрицій взялся говорить за меня: выхвалялъ мои достоинства, и особливо твердилъ о той чести, которую пріобрѣлъ я у Доктора Годинеца на философскихъ диспутахъ, какъ будто бы слугѣ Каноника непремѣнно нужно было знать хорошо Философію. Однакожь, такою похвалою Фабрицій пустилъ ему пыль въ глаза, и старикъ, видя, что я не

противенъ госпожѣ Гіацинтѣ, сказалъ моему товарищу: „Хорошо, другъ мой, я принимаю его. Онъ, кажется, малой доброй; по крайней мѣрѣ такъ я объ немъ думаю потому, что за него ручается слуга господина Ордонеца.“

Фабрицій видя, что я совсемъ ужь принятъ, сдѣлалъ по низкому поклону Канонику и управительницѣ, и вышелъ, шепнувши мнѣ на ухо, гдѣ намъ увидѣться другъ съ другомъ. По выходѣ его, Каноникъ спросилъ, какъ меня зовутъ? за чѣмъ оставилъ я свою родину? и этими вопросами принудилъ меня

разсказать мою исторію. Она показалась ему и управительницѣ очень забавна; а послѣднее мое приключеніе заставило ихъ такъ много смѣяться, что бѣдной подарикъ едва не умеръ: отъ смѣху сдѣлался съ нимъ сильной кашель, и я того и ждалъ, что онъ отдастъ душу Богу. Духовной онъ еще не написалъ. Вообразите, въ какомъ страхѣ была управительница! Въ отчаяніи, она подбѣжала на помощь къ бѣдному старику, и начала дѣлать съ нимъ то, что обыкновенно дѣлаютъ съ дѣтьми, когда они закашляются: терла ему лобъ и колотила его въ спину.

Однако страхъ ея былъ напрасенъ. Старикъ пересталъ кашлять, а она перестала его мучить. Тогда я хотѣлъ было досказать мои приключенія; но госпожа Гіацинта, опасаясь новаго кашля, этому воспротивилась; и повела меня изъ спальни въ гардеробъ, гдѣ между разнымъ платьемъ, лежалъ кафтанъ моего предмѣстника. Она велѣла мнѣ надѣть его, а на мѣсто его положила мое платье, которое мнѣ и хотѣлось поберечь, въ надеждѣ, что со временемъ оно мнѣ понадобится. Потомъ пошли мы готовить обѣдъ.

Стряпать кушанье было для меня дѣло не новое. Я учился этому искуству у госпожи Леонарды, которая могла почесться очень хорошею кухаркою. Однакожь не льзя сравнивать ее съ Гіацинтою. Госпожа управительница была во всемъ мастерица: дѣлала такой питательной супъ, такіе вкусные соусы и пирожныя, что и поваръ Толедскаго Архіепископа отдалъ бы ей преимущество. Когда обѣдъ былъ совсемъ готовъ, возвратились мы въ Каноникову спальню, и между тѣмъ, какъ я накрывалъ на столъ подлѣ его креселъ, Гіацинта под-

вязала старику подъ шею салфетку. Потомъ принесъ я похлебку, которою не стыдно было бы поподчивать самаго знатнаго Испанскаго вельможу; и два холодныхъ блюда, которыя возбудили бы апетитъ и въ Вицероѣ. Скоро увидѣлъ я, что Каноникъ еще не совсемъ лишился употребленія рукъ. Онъ высвободилъ ихъ изъ подъ подушекъ, и расположился кушать съ большою охотою. Хотя рука его и дрожала, однако не отреклась служить ему. Онъ работалъ ею довольно свободно, но проливалъ на скатерть и на салфетку по половинѣ

того, что подносилъ ко рту. Послѣ похлебки и холоднаго принесъ я жареную куропатку съ двумя перепелками, которыхъ госпожа Гіацинта ему разрѣзала. Часто брала она большую серебреную стопу, наливала въ нее вина и не много воды, подносила Канонику и поила его сама, какъ маленькаго ребенка. На каждое кушанье нападалъ онъ съ равнымъ мужествомъ; когда же совершенно набилъ себѣ брюхо, то управительница отвязала у него салфетку, и опять обложила подушками. Потомъ собравши со стола, оставили мы его наслаждаться пріятнымъ

сномъ, котораго и надобно ожидать послѣ такого сытнаго обѣда.

Каждый день Каноникъ нашъ обѣдалъ такимъ образомъ, и былъ, вѣроятно, славнѣйшій обжора во всемъ соборѣ. За ужиномъ ѣлъ менѣе; ему довольно было цыпленка или кролика, и нѣсколько плодовъ вареныхъ въ сахарѣ.

Въ этомъ домѣ я пилъ и ѣлъ хорошо, и велъ самую пріятную жизнь; не нравилось мнѣ одно: ночью, вмѣсто того, чтобъ спать, я долженъ былъ прислуживать больному, перемѣнять ему рубашку, подавать пить, и

проч. „Жилблазъ, сказалъ онъ мнѣ во вторую ночь, ты дѣтина умной и проворной. Я увѣренъ, что буду тобою доволенъ; только совѣтую тебѣ почитать госпожу Гіацинту; дѣлай все, что она велитъ, и слушай ее какъ самаго меня. Эта дѣвушка служитъ мнѣ уже пятнадцать лѣтъ, и такъ усердна, такъ добра, что не могу ею нахвалиться. За то, признаюсь, она мнѣ милѣе, чѣмъ вся моя родня. Изъ любви къ ней выгналъ я изъ моего дому роднаго племянника; и правду сказать, за дѣло: онъ не имѣлъ никакого уваженія къ этой бѣдной дѣвушкѣ, и

не только не благодарилъ за попеченіе обо мнѣ, но даже называлъ ее лицемѣркою: такой бездѣльникъ! Слава Богу, что отъ него избавился! Какая мнѣ нужда до родства: кто меня любитъ, тотъ мнѣ и родня, того и люблю!" — Правду изволите говорить, сударь, сказалъ я. Благодарность должна имѣть надъ нами болѣе силы, чѣмъ родство.—,,О! безъ сомнѣнія! отвѣчалъ онъ: духовная моя покажетъ, что не забочусь о родственникахъ; Гіацинта получитъ порядочную часть. И ты не будешь забытъ, если станешь также усердно служить, какъ началъ. Ла-

кей, котораго я вчера согналъ, самъ виноватъ, что лишился хорошаго наслѣдства. Если бы велъ себя, какъ должно—я обогатилъ бы его. Но онъ совсемъ не почиталъ Гіацинты, и былъ превеликой лѣнтяй. Ему казалось трудно просиживать при мнѣ ночи и смотрѣть за мною!"—О бездѣльникъ! — вскричалъ я, какъ будто Фабриціевъ геній въ меня вселился—онъ недостоинъ былъ жить у такого добраго господина! Вашъ слуга долженъ имѣть неутомимую ревность; долженъ съ удовольствіемъ трудиться для васъ, и самую тяжелую работу считать бездѣлицею.

Я примѣтилъ, что слова мои очень понравились Лиценціату. Онъ былъ не менѣе доволенъ и тѣмъ, что я обѣщался во всемъ повиноваться госпожѣ Гіацинтѣ. Желая прослыть такимъ лакеемъ, который не знаетъ усталости, отправлялъ я должность свою съ величайшимъ прилежаніемъ, и никогда не жаловался, что не имѣю по ночамъ покою. Между тѣмъ, состояніе мое было слишкомъ непріятно, и скоро бы мнѣ наскучило, еслибъ я не надѣялся получить хорошаго наслѣдства по смерти Каноника.

Управительница (я долженъ отдать ей въ томъ справедливость) обходилась со мною очень ласково: это надобно приписать старанію моему снискать ея благосклонность. Когда сидѣлъ я за столомъ съ нею и племянницею ея, Инезиллою, то перемѣнялъ у нихъ тарелки, наливалъ имъ пить и всячески услуживалъ. Однажды, какъ Гіацинта пошла покупать съѣстные припасы, я, оставшись одинъ съ Инезиллою, началъ говорить съ нею и спросилъ, живы ли у ней отецъ и мать? — „О! нѣтъ, отвѣчала она, давно уже, очень давно какъ они умерли; мнѣ сказывала это

тетушка; и я ихъ никогда не видала.“—Я притворился, будто повѣрилъ этому отвѣту, хотя онъ былъ очень сомнителенъ, и Инезилла такъ разговорилась, что разсказала болѣе, нежели я ожидалъ. Отъ нее узналъ я, или лучше сказать, догадался изъ невинныхъ ея разсказовъ, что у тетушки ея есть добрый пріятель, который управляетъ домомъ другаго стараго Каноника; и что господинъ управитель и госпожа управительница намѣрены добро свое, нажитое у старыхъ Канониковъ, соединить вмѣстѣ посредствомъ брака, пріятностями

котораго напередъ уже наслаждаются.

ГЛАВА II.

Каноникъ занемогъ; какъ его лѣчили; что съ нимъ отъ того сдѣлалось; и что отказано Жилблазу въ духовной.

Я служилъ у Лиценціата Седилло около трехъ мѣсяцевъ, не жалуясь на безпокойство, которое терпѣлъ по ночамъ. Вдругъ занемогъ онъ горячкою, при чемъ и

подагра въ немъ усилилась. Первый разъ отъ роду вздумалъ онъ прибѣгнуть къ лѣкарямъ, и велѣлъ позвать Доктора Санградо, котораго весь Валладолидъ почиталъ Эскулапомъ. Госпожѣ Гіацинтѣ было бы гораздо пріятнѣе, еслибъ Каноникъ написалъ напередъ духовную; она даже намекала ему объ этомъ; но старикъ поупрямился, можетъ быть потому, что не думалъ умереть скоро. И такъ сыскалъ я Доктора Санградо, и привелъ его съ собою. Онъ былъ высокъ ростомъ, сухощавъ, блѣденъ, и уже сорокъ лѣтъ пособлялъ Паркамъ въ ихъ работѣ; на-

ружность имѣлъ важную, говорилъ протяжно и всегда отборными выраженіями. Доказательства его казались геометрическими, но мнѣнія весьма странными.

Осмотрѣвъ моего господина, онъ сказалъ ему: „Дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ очистить затворившіеся потовые проходы. Другой, на моемъ мѣстѣ, велѣлъ бы принимать лѣкарства солеристыя, мочегонительныя и летучія, которыя имѣютъ много сѣрныхъ и меркуріальныхъ частицъ. Но это выдумка шарлатановъ: всѣ чистительныя и потовыя лѣкарства пагубны; всякая хи-

мическая смѣсь ничего произвесть не можетъ, кромѣ вреда! Мои средства простѣе и безопаснѣе.... Къ какой пищѣ вы привыкли?" — Я обыкновенно ѣмъ крѣпкой супъ и сочную говядину. —„Крѣпкой супъ и сочную говядину! вскричалъ съ ужасомъ Докторъ. О! теперь не удивляюсь, что вы больны! вкусныя кушанья настоящій ядъ! это сѣти, которыя сластолюбіе разставляетъ человѣку, чтобъ погубить его скорѣе! Вы должны отказаться отъ всякой пищи, которая льститъ вкусу. Кровь есть жидкость безвкусная, и требуетъ подобной себѣ пищи...

А что вы пьете?"— Вино съ водою.—,,Боже мой! какой безпорядокъ! вамъ бы должно давно умереть! Который вамъ годъ?" — Шестдесятъ девятой.—,,Такъ! прежде временная старость всегда бываетъ слѣдствіемъ невоздержной жизни. Еслибъ вы пили только воду, и ѣли простую пищу, какъ напримѣръ, вареные яблоки, горохъ, бобы, то не страдали бы подагрою, и всѣ ваши члены могли бы еще безъ труда отправлять свою должность. Впрочемъ, я не отчаяваюсь вылѣчить васъ, если только будете слушаться моихъ предписаній."—И хотя

Каноникъ былъ великой обжора, но обѣщался исполнять ихъ.

Санградо послалъ меня за своимъ подлѣкаремъ, и заставилъ его пустить моему господину шесть полныхъ тарелокъ крови, для прочищенія потовыхъ проходовъ. „Черезъ три часа, сказалъ онъ подлѣкарю, приходи пустить опять столько же крови, и дѣлай это каждый день. Напрасно думаютъ, что кровь нужна для сохраненія жизни. Чѣмъ больше пускать больному крови, тѣмъ лучше. Такъ какъ онъ не подверженъ никакому великому движенію, и имѣетъ нужду

только въ томъ, чтобъ не умереть, то для него не надобно крови болѣе, какъ для спящаго человѣка. У обоихъ жизнь состоитъ въ біеніи пульса и въ дыханіи." Бѣдный Каноникъ, воображая, что такой великой врачь не можетъ ошибиться, далъ пускать изъ себя кровь безъ сопротивленія.

Предписавъ частыя и сильныя кровопусканія, Сангградо велѣлъ намъ еще безпрестанно поить больнаго теплою водою, и увѣрялъ, что изобильное питье воды можетъ почесться за истинное лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней. Потомъ онъ ушелъ, сказавъ

Гіацинтѣ, что ручается за жизнь больнаго, ежели будутъ съ нимъ поступать точно такъ, какъ отъ него приказано. Управительница, которая думала, можетъ быть, о его системѣ очень невыгодно, обѣщалась наблюдать свято всѣ его предписанія. Тотчасъ стали мы грѣть воду; потомъ дали нашему господину выпить сряду цѣлыя три кружки; а черезъ часъ начали поить его снова; скоро сдѣлалось страшное наводненіе въ его желудкѣ. Съ другой стороны помогалъ намъ подлѣкарь кровопусканіемъ такъ удачно, что въ два дни больной

нашъ былъ доведенъ до крайности.

На третій день, когда хотѣлъ я влить въ бѣднаго Каноника еще одинъ большой стаканъ нашего хваленаго лѣкарства, онъ сказалъ мнѣ слабымъ голосомъ: „постой, Жилблазъ; не давай мнѣ болѣе, другъ мой. Вижу, что приходитъ смерть моя, не смотря на спасительныя дѣйствія воды; и хотя во мнѣ нѣтъ почти ни одной капли крови, однако не чувствую облегченія. Самый искусный лѣкарь не можетъ продлить нашей жизни, когда уже пришелъ конецъ ея. Теперь должно подумать,

какъ оставить здѣшній свѣтъ. Сходи за Нотаріусомъ: хочу написать духовную.“ — При послѣднихъ словахъ, которыя слушалъ я не безъ удовольствія, притворился я печальнымъ, какъ всякой наслѣдникъ дѣлаетъ въ подобномъ случаѣ; и скрывъ сильную охоту исполнить его приказаніе, сказалъ: ахъ, сударь! вы еще, благодаря Бога, не такъ худы, чтобъ не было никакой надежды выздороветь. — „Нѣтъ, другъ мой, знаю, что мнѣ не долго жить осталось. Поди скорѣе за Нотаріусомъ.“

Я въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ, что не должно терять вре-

мени: больному становилось часъ отъ часу хуже. И такъ, оставя при немъ госпожу Гіацинту, которая еще болѣе моего опасалась, чтобъ старикъ не умеръ безъ духовной— побѣжалъ я сломя голову къ одному Нотаріусу, и по счастію засталъ его дома. „Ахъ, сударь, пожалуйте поскорѣе къ моему барину, Лиценціату Седилло! онъ умираетъ, и хочетъ сдѣлать завѣщаніе. Ради Бога, подите скорѣе!“ Нотаріусъ, старикъ малаго росту, веселый и охотникъ пошутить, спросилъ меня, какой Докторъ лѣчитъ больнаго. Я назвалъ Санградо, и онъ тотчасъ схватилъ свою

епанчу и шляпу. „О! побѣжимъ скорѣе, закричалъ онъ; этотъ Докторъ такъ проворенъ, что больнымъ не даетъ времени звать Нотаріусовъ. Онъ отнялъ у меня много завѣщаній!“

Желая застать Каноника еще въ живыхъ, мы не шли, а летѣли. „Вамъ извѣстно, сударь—говорилъ я дорогою Нотаріусу—что умирающій человѣкъ, заставляя писать духовную, бываетъ иногда безпамятенъ. Ежели и мой господинъ забудетъ обо мнѣ, то сдѣлайте одолженіе, напомните ему о моемъ усердіи.“—Съ охотою! другъ мой; ты можешь на меня поло-

житься: добраго слугу наградить должно. Я постараюсь даже, чтобъ твой господинъ отказалъ тебѣ что нибудь значительное.

Мы нашли больнаго еще въ полномъ разсудкѣ. Подлѣ него сидѣла Гіацинта, обливаясь притворными слезами. Она уже сыграла свою ролю, и упросила старика не забыть ее въ духовной. Оставя его одного съ Нотаріусомъ, вышли мы съ нею въ переднюю и увидѣли тамъ подлѣкаря, котораго Санградо прислалъ для новаго и послѣдняго кровопусканія. Мы не допустили его къ Каноннику. „Подождите здѣсь —

сказала ему управительница— теперь не льзя войти къ господину Седилло; у него Нотаріусъ пишетъ духовную. Когда она будетъ готова, то можете пускать ему кровь, сколько угодно."

Я и управительница очень боялись, чтобъ Каноникъ не умеръ диктуя духовную. Но безпокойство наше скоро кончилось: вышелъ Нотаріусъ и сказалъ намъ, что она совсемъ готова. Потомъ, оборотясь ко мнѣ и ударивъ по плечу, шепнулъ съ улыбкою: „И Жилблаза не забыли!"—При этихъ словахъ почувствовалъ я великую радость, и былъ такъ благо-

даренъ моему господину, что сдѣлалъ обѣщаніе помолиться объ немъ послѣ его смерти, которая случилась въ самую ту минуту, какъ подлѣкарь пустилъ еще разъ ему кровь. Когда старикъ испускалъ послѣднее дыханіе, пришелъ Докторъ, и изъявилъ нѣкоторое удивленіе, не смотря на привычку свою морить людей. Впрочемъ, онъ не только не приписывалъ смерть Каноника питью воды и кровопусканіямъ; но еще, уходя отъ насъ, сказалъ съ спокойнымъ видомъ, что ему мало бросали крови и не довольно поили теплою водою. Под-

лѣкарь, видя, что услугъ его болѣе не нужно, пошелъ въ слѣдъ за Докторомъ, и оба утверждали, что они еще съ перваго дня приговорили Каноника къ смерти. Они, въ самомъ дѣлѣ, рѣдко обманывались, когда произносили такой приговоръ.

Увидя, что господинъ нашъ скончался, составили мы, то есть, госпожа Гіацинта, Инезилла и я, такой концертъ изъ нашихъ стенаній, что встревожили всѣхъ сосѣдей; особливо же управительница, которая имѣла большую причину радоваться, кричала и рвалась съ такимъ отчаяніемъ, что вся-

кой почелъ бы ее за самую несчастнѣйшую женщину Въ одну минуту комната наполнилась людьми, которые были привлечены болѣе любопытствомъ, нежели сострадаціемъ. Потомъ сбѣжались родственники, и все опечатали. Видя управительницу въ такомъ отчаяніи, они подумали, что Каноникъ не успѣлъ сдѣлать духовной; но скоро, къ сожалѣнію, узнали, что она написана по надлежащей формѣ и со всѣми приказными обрядами. Когда же, распечатавъ ее, нашли, что старикъ отказалъ все почти свое имѣніе госпожѣ Гіацин-

тѣ и ея племянницѣ, то сказали надъ тѣломъ его такое надгробное слово, которое принесло не великую честь памяти покойника. Часто съ краснорѣчіемъ своимъ обращались они къ управительницѣ, а иногда доставалось и мнѣ. Правду сказать, я былъ достоинъ ихъ гнѣва: Каноникъ (царство ему небесное!) велѣлъ изъ благодарности къ моимъ услугамъ и въ мою пользу написать одну статью. Вотъ она:

„Жилблазу, который уже „довольно успѣлъ въ наукахъ, „отказываю, для усовершен„ствованія въ нихъ, мою би„бліотеку, всѣ мои книги и „рукописи безъ исключенія.“

Сначала я не понималъ, о какой библіотекѣ тутъ говорится. Но въ кабинетѣ моего господина, на двухъ сосновыхъ полкахъ, лежало пять или шесть книгъ, и нѣсколько связокъ бумагъ: вотъ въ чемъ состояло мое наслѣдство!—Къ несчастію я не могъ пользоваться этими книгами. Одна была: *Совершенный Поваръ*; въ другой разсуждалось *о невареніи желудка, и о способахъ лѣченія сей болѣзни*; остальныя же были четыре части молитвенника до половины съѣденныя червями. Чтожь касается до рукописей, то самая любопытная изъ нихъ была

тяжба, которую Каноникъ нѣкогда имѣлъ о своей пребендѣ. Разсмотрѣвъ мое наслѣдство съ такимъ вниманіемъ, какого оно не заслуживало, я оставилъ его родственникамъ покойнаго, которые такъ много мнѣ завидовали. Я уступилъ имъ даже платье, которое было на мнѣ, надѣлъ свой шитой кафтанъ, и получивъ за всю усердную мою службу только жалованье, пошелъ искать другаго мѣста. Чтожь касается до управительницы, то она, кромѣ денегъ, отказанныхъ ей въ духовной, поживилась еще многими хорошими пожитками, кото-

рые успѣла во время болѣзни Каноника захватить при помощи милаго своего дружка.

ГЛАВА III.

Жилблазъ вступаетъ въ службу къ Доктору Санградо, и дѣлается славнымъ лѣкаремъ.

Я пошелъ опять къ господину Аріасу де Лондоннѣ, чтобъ выбрать въ его спискѣ новое мѣсто; но поворачивая въ тотъ переулокъ,

гдѣ жилъ онъ, встрѣтился съ Докторомъ Санградо, котораго не видалъ со дня смерти моего господина. Я поклонился ему, и онъ тотчасъ меня узналъ, хотя на мнѣ было другое платье. „Ты кстати попался мнѣ, другъ мой, сказалъ онъ, я теперь только о тебѣ думалъ. Мнѣ нуженъ слуга; ты дѣтина доброй, и для меня очень годишься; но надобно, чтобъ ты умѣлъ читать и писать.“—О! сударь, ежели только это нужно, то я къ вашимъ услугамъ.—„Хорошо, ступай ко мнѣ! Должность твоя будетъ не трудна; и я увѣренъ, что будешь мною

доволенъ. Жалованья тебѣ я не дамъ, но ты ни въ чемъ не будешь имѣть недостатка. Стану содержать тебя хорошо, и научу великому искуству лѣчить всѣ болѣзни. Словомъ сказать, ты будешь мой ученикъ, а не слуга."

Я согласился на предложеніе Доктора, въ надеждѣ, что подъ руководствомъ такого великаго мужа могу сдѣлать большіе успѣхи въ Медицинѣ.

Господинъ Сангрaдо тотчасъ привелъ меня къ себѣ, чтобъ показать мнѣ мою должность; она состояла въ томъ, чтобы записывать

имена и жилища больныхъ, которые присылаютъ за нимъ въ то время, какъ нѣтъ его дома. Прежде эту должность отправляла старуха, служившая ему вмѣсто лакея; но она, кромѣ того, что не знала Орѳографіи, писала такъ худо, что едва можно было разобрать. И такъ мнѣ поручено было вести эту книгу, которую по справедливости можно назвать реэстромъ умершихъ; потому что всякой, котораго имя въ нее попадало, тотчасъ умиралъ. Я записывалъ желающихъ отправиться на тотъ свѣтъ точно такъ, какъ писарь на почтовомъ

дворѣ записываетъ имена отправляющихся по почтѣ. Рѣдко перо выходило изъ рукъ моихъ, потому что господинъ Санградо почитался тогда искуснѣйшимъ лѣкаремъ въ Валладолидѣ. Онъ вошелъ въ славу высокопарнымъ своимъ пустословіемъ и важнымъ видомъ; при томъ же, ему удалось вылѣчить нѣсколько больныхъ: что принесло ему болѣе чести, нежели онъ заслуживалъ.

Господинъ Санградо лѣчилъ во многихъ домахъ, и получалъ отъ того хорошій доходъ. Но жилъ онъ очень скромно. Обыкновенно ѣли

мы горохъ, бобы, печеные яблоки и сыръ. Онъ говорилъ, что эта пища самая лучшая и удобная для варенія въ желудкѣ. Однако, не смотря на то, не давалъ намъ досыта наѣдаться, и дѣлалъ весьма благоразумно. Запрещая мнѣ и служанкѣ своей ѣсть много, онъ позволялъ за то пить воды, сколько намъ угодно было. Не только не полагалъ мѣры въ употребленіи ея, но еще говаривалъ: „Пейте, друзья мои; здоровье наше состоитъ въ гибкости и влажности членовъ. Пейте больше воды; она есть самое лучшее распускательное; раз-

водитъ всѣ соли. Ежели теченіе крови очень тихо, вода ускоряетъ его; а когда слишкомъ быстро, то она удерживаетъ стремленіе.“ Докторъ нашъ былъ въ этомъ такъ твердо увѣренъ, что самъ, кромѣ воды, не пилъ ничего, хотя былъ уже и въ лѣтахъ.—Старость почиталъ онъ природною чахоткой, которая сушитъ и изнуряетъ насъ; и потому сожалѣлъ о невѣжествѣ людей, называющихъ вино молокомъ стариковъ. Онъ утверждалъ, что вино истощаетъ и разрушаетъ ихъ; объяснялъ весьма краснорѣчиво, что пагубной этотъ напитокъ для

нихъ и для всего свѣта есть невѣрной другъ и обманчивое удовольствіе.

Не смотря на такія основательныя разсужденія, черезъ восемь дней по прибытіи моемъ къ Доктору, сдѣлался у меня поносъ съ жестокимъ рѣзомъ въ животѣ; я осмѣлился приписать это всеобщему распускательному и дурному кушанью. Пожаловавшись моему господину, надѣялся, что онъ умилосердится и дастъ мнѣ за столомъ немного вина; но онъ будучи ужасный врагъ этому напитку, никакъ на мою просьбу не соглашался. „Когда тебѣ, сказалъ онъ, про-

стая вода противна, то я знаю вѣрное средство приучить желудокъ къ водяному питью. Напримѣръ, шалфей и вероника придаютъ ему пріятный вкусъ; а ежели хочешь сдѣлать еще вкуснѣе, то прибавь туда гвоздики, розмариннаго цвѣту и дикаго маку."

Какъ ни старался онъ выхвалять воду и какъ ни училъ меня приготовлять изъ нее превосходные напитки, однако я пилъ ее очень умѣренно. Примѣтя это, онъ сказалъ мнѣ: „Ну, Жилблазъ, не удивляюсь теперь, что ты не совсемъ здоровъ: ты мало пьешь, другъ

мой. Умѣренное употребленіе воды раздѣляетъ только желчныя частицы и приводитъ въ большее движеніе; а по настоящему, надобно ихъ потоплять совершенно. Не бойся, мой милой, что излишество воды ослабитъ или простудитъ твой желудокъ. Оставь пустой страхъ, который, можетъ быть, частое питье тебѣ наводитъ. Я за все отвѣчаю, и когда ты не вѣришь моему слову, то самъ Цельсъ будетъ тебѣ порукою. Этотъ Латинскій Оракулъ приписываетъ водѣ удивительную силу, и говоритъ именно, что охотники до вина, извиняясь сла-

бостію своего желудка, явнымъ образомъ обижаютъ эту часть внутренности, и стараются прикрыть тѣмъ свое сластолюбіе."

Мнѣ неприлично казалось противорѣчить въ то время, когда самъ намѣренъ былъ учиться Медицинѣ, и потому притворился, будто бы онъ своими доказательствами убѣдилъ меня совершенно. Признаюсь, что я и въ самомъ дѣлѣ тому повѣрилъ. И такъ продолжалъ я пить воду, надѣясь на поручительство Цельса, или лучше сказать, началъ утоплять желчь, изобильно употребляя этотъ напитокъ, и хотя я день ото

дня становился хуже, но предъубѣжденіе не позволяло мнѣ вѣрить опыту. Повидимому во мнѣ была уже счастливая склонность сдѣлаться медикомъ. Между тѣмъ я не могъ долѣе сносить жестокой боли, которая такъ усилилась, что наконецъ я принялъ намѣреніе отойти отъ Доктора Санградо. Однако порученная мнѣ отъ него новая должность перемѣнила мои мысли.—,,Послушай, другъ мой, сказалъ онъ мнѣ однажды, я не изъ числа тѣхъ жестокихъ и неблагодарныхъ господъ, которые заставляютъ слугъ своихъ состарѣться въ раб-

ствѣ, не наградивъ ихъ ни чѣмъ. Я доволенъ тобою, люблю тебя, и не требуя, чтобъ ты долѣе служилъ мнѣ, сдѣлаю твое счастіе. Теперь же открою тебѣ въ короткихъ словахъ сущность того спасительнаго искуства, въ которомъ столько уже лѣтъ упражняюсь. Прочіе Доктора полагаютъ его въ познаніи множества трудныхъ наукъ; но я покажу тебѣ кратчайшій путь и избавлю отъ напраснаго ученія Физики, Фармаціи, Ботаники и Анатоміи. Знай, другъ мой, что надобно только пускать кровь и поить теплою водою: вотъ тайна,

какъ лѣчить всѣ болѣзни на свѣтѣ! Такъ, эта чудесная тайна, которую я тебѣ открываю, и которую природа, товарищамъ моимъ непостижимая, не могла скрыть отъ моихъ наблюденій, заключается въ двухъ способахъ: въ кровопусканіи и въ частомъ питьѣ теплой воды. Болѣе учить тебя нечему; ты знаешь Медицину основательно, и пользуясь плодомъ долговременныхъ моихъ опытовъ, вдругъ сдѣлался также свѣдущь, какъ и я. Ты можешь теперь помогать мнѣ: по утру будешь по прежнему вести свою книгу, а послѣ обѣда посѣщать часть

моихъ больныхъ. Я возьму на свое попеченіе дворянъ и духовныхъ, а ты ходи за меня по домамъ простыхъ людей, куда меня потребуютъ. Потрудись нѣсколько времени; а тамъ я постараюсь, чтобъ приняли тебя въ наше общество. Ты не сдѣлавшись еще Докторомъ, знаешь уже теперь всю Медицину, между тѣмъ, какъ другіе долгое вреня, а многіе и цѣлую жизнь бываютъ Докторами, не смысля ничего."

Я благодарилъ Санградо за то, что такъ скоро сдѣлалъ меня своимъ помощникомъ; и въ доказательство при-

знательности моей за его благодѣянія, увѣрялъ, что во всю жизнь буду слѣдовать мнѣніямъ его, хотя бы онѣ противны были Иппократовымъ. Такое увѣреніе было не совсемъ отъ искренняго сердца: мнѣ не нравилась похвала его водѣ, и я располагался пить всякой день вино, посѣщая моихъ больныхъ.

Спрятавъ въ другой разъ свое платье и надѣвъ приличное новому моему званію, сдѣлался я Докторомъ. Потомъ, приготовлялся лѣчить на удачу тѣхъ, которые мнѣ въ руки попадутся. Я началъ съ Алгвазила, страдав-

шаго колотьемъ; велѣлъ пускать ему кровь безъ милосердія и не жалѣть воды. Оттуда пришелъ я къ пирожнику, который отъ подагры жестоко кричалъ. Столь же мало пощадилъ и его кровь, какъ и Алгвазила, и совѣтовалъ ему также пить воду. За рецепты мои получилъ я двѣнадцать реаловъ; это придало мнѣ такую охоту къ докторскому искуству, что только и желалъ, чтобъ было болѣе больныхъ.—Вышедши отъ пирожника, встрѣтилъ я Фабриція, котораго не видалъ послѣ смерти Лиценціата Седилло. Нѣсколько ми-

нутъ смотрѣлъ онъ на меня съ удивленіемъ, потомъ изо всей мочи захохоталъ, и смѣялся не безъ причины: на мнѣ была епанча, которая тащилась по землѣ; а камзолъ и исподница вчетверо длиннѣе и шире обыкновеннаго. Я далъ ему насмѣяться досыта, и самъ хотѣлъ было послѣдовать его примѣру, но удержался, чтобъ не сдѣлать неблагопристойности на улицѣ, и сохранить всю важность Доктора. Когда странный нарядъ мой такъ разсмѣшилъ Фабрицiя, то важность моя еще удвоила смѣхъ его; похохотавши довольно, онъ ска-

залъ мнѣ: „Что это, Жилблазъ, какъ ты забавно одѣлся! Кой-чортъ тебя такъ нарядилъ?“ — Потише, другъ мой, потише, отвѣчалъ я ему, имѣй почтеніе къ новому Иппократу! Знай, что я помощникъ Доктора Санградо, славнѣйшаго медика въ Валладолидѣ. Живу у него ужь три недѣли. Онъ научилъ меня основательно Медицинѣ; и не успѣвая самъ ходить ко всѣмъ больнымъ, которые его требуютъ, поручилъ мнѣ посѣщать нѣкоторыхъ вмѣсто себя. Онъ лѣчитъ въ большихъ домахъ, а я хожу по бѣднымъ. „Понимаю, сказалъ Фабрицій,

онъ уступилъ тебѣ подлую кровь, а себѣ оставилъ благородную. Твоя доля прекрасная! гораздо лучше имѣть дѣло съ простыми людьми, чѣмъ съ большими господами. Тутъ и ошибки докторскія не такъ замѣтны, и убійства его не надѣлаютъ столько шуму. Право, мнѣ завидно твое счастіе; и я скажу, какъ говаривалъ Александръ, еслибъ я не былъ Фабрицій, то хотѣлъ бы быть Жилблазомъ."—

Желая увѣрить Нуннецова сына, что онъ не напрасно хвалилъ мое состояніе, я показалъ ему Алгвазиловы и пирожниковы реалы. Потомъ

зашли мы въ трактиръ. Намъ подали изряднаго вина, которое мнѣ послѣ долговременнаго питья воды показалось чрезвычайно вкусно. Я пилъ его съ величайшимъ удовольствіемъ, и, съ позволенія Латинскаго Оракула, могу признаться, что чѣмъ болѣе наливалъ вина въ желудокъ, тѣмъ менѣе внутренность моя сердилась на причиняемую ей обиду. Мы пробыли тамъ довольно долго, и, какъ водится у нашей братьи, посмѣялись порядочно надъ своими господами. Разставшись уже предъ наступленіемъ ночи, обѣщали мы другъ другу на слѣду-

ющій день послѣ обѣда сойтись въ этомъ же мѣстѣ.

ГЛАВА IV.

Жилблазъ продолжаетъ лѣчить съ большимъ успѣхомъ. Какъ нашелся его перстень.

Я пришелъ домой почти въ одно время съ Докторомъ Санградо. Сказавъ, какихъ больныхъ посѣщалъ, вручилъ я ему восемь реаловъ, которые остались у меня отъ двѣнадцати, полученныхъ въ

тотъ день за визиты. „Восемь реаловъ! сказалъ онъ, пересчитавъ ихъ; это очень мало за два посѣщенія; но надобно все брать.“ — Онъ оставилъ у себя шесть, а остальные два отдалъ мнѣ. „Возьми, Жилблазъ, прибавилъ онъ, начинай самъ копить деньги. Я уступаю тебѣ четвертую часть изъ того, что ты принесешь мнѣ. Ты скоро разбогатѣешь, другъ мой, потому что въ нынѣшнемъ году, по милости Божіей, будетъ больныхъ не мало.“

Я былъ доволенъ своимъ положеніемъ и рѣшился не отдавать ему никогда тре-

тей части изъ получаемаго мною отъ больныхъ, да сверхъ того брать еще четвертую изъ остальныхъ денегъ, что и составитъ, если вѣрить Ариѳметикѣ, половину ежедневнаго моего дохода. Это самое придало мнѣ новую охоту къ Медицинѣ. На другой день, послѣ обѣда, надѣлъ я опять докторское платье, и пошелъ со двора. Посѣщая многихъ больныхъ, которыхъ имена записаны были въ нашей книгѣ, поступалъ я со всѣми одинаково, хотя они и различными болѣзнями страдали. До сего времени все шло очень хорошо, и никто, благодаря Бога, не оспо-

ривалъ моихъ рецептовъ. Но какъ бы Докторъ искусенъ ни былъ, никогда не избѣгнетъ нареканія. Случилось мнѣ придти къ торгующему травами купцу, у котораго сынъ былъ въ водяной болѣзни. Тутъ засталъ я малорослаго смуглаго Доктора, по имени Кушилло; его привелъ туда родственникъ хозяина. Я сдѣлалъ всѣмъ по низкому поклону, а особливо той особѣ, которая, какъ я думалъ, приглашена была для совѣта о болѣзни купеческаго сына. Онъ поклонился мнѣ съ важнымъ видомъ, и посмотрѣвъ на меня нѣсколько времени пристально, ска-

залъ: „Господинъ Докторъ, извините мое любопытство. Я думалъ, что знаю всѣхъ медиковъ, товарищей моихъ въ Валладолидѣ; но, признаюсь, ваше лице для меня совсемъ незнакомо. Конечно, вы пріѣхали сюда недавно.“— Я отвѣчалъ ему, что я молодой практикъ, и занимаюсь еще подъ руководствомъ Доктора Санградо. — „Поздравляю васъ, сказалъ онъ мнѣ, что вы приняли методу такого великаго мужа. Не смѣю сомнѣваться въ вашемъ знаніи, хотя вы еще и очень молоды.“ Кушилло произнесъ эти слова такимъ непритворнымъ тономъ, что я не

могъ догадаться, въ правду ли онъ говорилъ, или смѣялся надо мною, и думалъ, что отвѣчать ему. Купецъ, пользуясь нашимъ молчанiемъ, сказалъ: „Господа, я увѣренъ, что вы оба искусные медики: сдѣлайте милость, посмотрите моего сына, и посовѣтуйтесь между собою, какъ бы его вылѣчить.“

Тутъ малорослой Докторъ началъ осматривать больнаго, и разсказавъ мнѣ всѣ признаки его болѣзни, спрашивалъ моего мнѣнiя, какимъ образомъ поступать съ нимъ?—Думаю, отвѣчалъ я, что надобно ему пускать всякой день кровь, и поить

больше теплою водою. — „И вы надѣетесь этими средствами спасти его жизнь?“— сказалъ онъ мнѣ съ язвительною улыбкою.—Безъ сомнѣнія, вскричалъ я съ увѣрительнымъ видомъ, онѣ должны произвести желаемое дѣйствіе, такъ какъ самыя надежныя лѣкарства отъ всякихъ болѣзней. Спросите Доктора Санградо. „По этому Цельсъ несправедливо говоритъ, что для скорѣйшаго излѣченія водяной болѣзни не надобно давать больному ни пить, ни ѣсть.“— О! вашъ Цельсъ для меня не указъ! Онъ ошибался также, какъ и другіе; и я никогда

еще не раскаявался, что не слѣдовалъ его мнѣніямъ. „Узнаю изъ вашихъ рѣчей превосходную практику, которой методу Докторъ Санградо старается внушать молодымъ медикамъ. Пускать кровь и поить теплою водою—вотъ его всеобщія лѣкарства! Не дивлюсь, что столько честныхъ людей отъ нихъ умираютъ.“. . . Прошу оставить ругательства, прервалъ я вспыльчиво: не вамъ дѣлать такіе упреки! Повѣрьте, господинъ Докторъ, наши братья морятъ множество больныхъ и безъ кровопусканія и питья теплой воды. Да и вы, можетъ

быть, отправили ихъ на тотъ свѣтъ еще больше, нежели кто другой. Когда не довольны Докторомъ Сан-градо, то пишите противъ него: онъ не оставитъ васъ безъ отвѣта, и мы увидимъ, кому будетъ стыднѣе.—,,Клянусь Святымъ Іаковомъ и Св. Діонисіемъ, вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ, что ты еще не знаешь Доктора Кушилло! Нѣтъ, другъ мой, я постою за себя и нимало не боюсь твоего Санградо, который, не смотря на его гордость и высокое о себѣ мнѣніе, ни-что иное, какъ съумасбродъ.“ —Я презиралъ гнѣвъ этаго карлика; наговорилъ ему много

грубостей; онъ также разругалъ меня, и — у насъ дошло до драки. Между тѣмъ какъ купецъ и родственникъ его старались разнять насъ, мы успѣли надавать другъ другу нѣсколько кулачныхъ ударовъ и выдрать по горсти волосъ. Прекративъ нашу драку, и заплативъ мнѣ за посѣщеніе, они оставили у себя моего соперника, котораго, повидимому, почитали искуснѣе меня.

Послѣ этаго непріятнаго происшествія чуть было не случилось со мною другое, еще хуже прежняго. Я посѣтилъ одного толстаго церковнослужителя, который

лежалъ въ горячкѣ. Лишь только сказалъ я ему о теплой водѣ, то онъ пришелъ въ такое бѣшенство, что грозилъ выбросить меня изъ окна. Я вышелъ отъ него гораздо скорѣе, чѣмъ вошелъ. Рѣшившись не посѣщать болѣе въ тотъ день больныхъ, отправился я въ трактиръ, гдѣ назначилъ свиданіе Фабрицію. Онъ былъ уже тамъ. Мы порядочно повеселились, и разошлись по домамъ въ полпьяна. Господинъ Санградо не замѣтилъ, что у меня было въ головѣ, потому что я разсказывалъ ему съ великимъ жаромъ о ссорѣ съ малорос-

лымъ Докторомъ, и онъ почелъ горячность мою остаткомъ ярости послѣ сраженія. Да и честолюбіе его въ моемъ разсказѣ было тронуто. Сердясь ужасно на Кушилло, онъ сказалъ мнѣ: „Ты хорошо сдѣлалъ, Жилблазъ, что защитилъ честь нашей методы противъ невѣжды, недостойнаго принадлежать къ нашему обществу. И онъ еще смѣетъ спорить, что страждущимъ водяною болѣзнію не надобно давать воды! О безумецъ! Я твердо стою въ томъ, что ихъ непремѣнно должно поить водою. Вода можетъ изцѣлять всѣ роды водяныхъ болѣзней,

такъ какъ ревматизмы и желтуху; весьма полезна въ лихорадкахъ и горячкахъ, чудеса дѣлаетъ и въ такихъ болѣзняхъ, которыя приписываютъ холоднымъ, водянымъ и флегматическимъ мокротамъ. Такимъ молодымъ медикамъ, каковъ Кушилло, мое мнѣніе кажется конечно странно; но въ Медицинѣ очень легко можно его доказать. Еслибъ эти люди умѣли разсуждать пофилософски, то вѣрно не поносили бы меня, а сдѣлались бы самыми ревностными по мнѣ послѣдователями."—

Санградо, въ жару, никакъ не подозрѣвалъ, что я былъ

пьянъ. А чтобъ еще болѣе ожесточить его противъ Доктора Кушилло, я прикрасилъ свое повѣствованіе многими обстоятельствами собственнаго моего изобрѣтенія. Сколько онъ ни былъ занятъ слышаннымъ отъ меня, однакожь примѣтилъ, что въ этотъ вечеръ я пилъ воды гораздо болѣе противъ обыкновеннаго. И въ самомъ дѣлѣ вино возбудило во мнѣ великую жажду. Другой бы на его мѣстѣ вѣрно догадался, отъ чего такъ много пью; но онъ воображалъ точно, что вода мнѣ начинаетъ нравиться. ,,Вижу, Жилблазъ, сказалъ онъ мнѣ улыбаясь, что

ты не имѣешь къ водѣ большаго отвращенія. Ты пьешь ее, какъ нектаръ! И не удивительно, другъ мой: я зналъ напередъ, что привыкнешь къ этому напитку.“— Всему, сударь, есть время, отвѣчалъ я ему: — теперь отдалъ бы я цѣлую бочку вина за одну кружку воды. Отвѣтъ мой ему очень понравился, и онъ не пропустилъ случая снова выхвалять достоинство воды. Превозносилъ ее съ большимъ восторгомъ. „Тысячу разъ, вскричалъ онъ, тысячу разъ почтеннѣе нынѣшнихъ нашихъ трактировъ, тѣ древнія теплицы, куда не приходили тратить

постыднымъ образомъ свое имѣніе и здоровье, упиваясь виномъ; а собирались для скромныхъ бесѣдъ и полезнаго питья теплой воды! — Не льзя довольно надивиться мудрой прозорливости прежнихъ государей, которые учредили публичныя мѣста, гдѣ давалась вода всякому пришельцу; а вино позволяли держать только въ аптекахъ, для употребленія по рецептамъ врачей. Какая премудрость! Безъ сомнѣнія, счастливый остатокъ той древней воздержности, достойной золотаго вѣка, причиною, что есть еще и теперь люди, которые, подоб-

но намъ съ тобою, пьютъ одну только воду, и думаютъ избавиться отъ всѣхъ болѣзней, употребляя воду нагрѣтую, а не кипяченую, которая, по моему замѣчанію, тяжелѣе и вреднѣе для желудка."

Между тѣмъ какъ Сангрaдо ораторствовалъ, я не одинъ разъ удерживался отъ смѣху; однако сохранилъ свой важный видъ. Этаго еще мало: я соглашался съ нимъ во всемъ, охуждалъ питье вина, и жалѣлъ о людяхъ, что они по несчастію нашли вкусъ въ такомъ пагубномъ напиткѣ Потомъ, чувствуя еще великую жажду, налилъ

я большой стаканъ воды, и прихлебывая помаленьку, сказалъ: „отъ насъ, сударь, зависитъ возобновить въ домѣ вашемъ тѣ древнія теплицы, о которыхъ вы такъ сожалѣете.“ — Слова мои ему чрезвычайно понравились, и онъ цѣлой часъ еще увѣщевалъ меня не пить ничего, кромѣ воды. Я обѣщалъ ему пить ее каждой вечеръ сколько можно болѣе, и чтобы сдержать свое слово, легъ спать съ твердымъ намѣреніемъ — ходить всякой день въ трактиръ.

Непріятность, случившаяся мнѣ у купца торгующаго травами, не помѣшала

предписывать на другой день, по прежнему, кровопусканіе и питье теплой воды. По выходѣ изъ дому, гдѣ посѣщалъ я лежащаго въ безуміи стихотворца, попалась мнѣ на улицѣ старушка, которая, остановивъ меня, спросила, не лѣкарь ли я? Я отвѣчалъ, что она не ошиблась. „Если такъ, сказала она, то сдѣлайте милость, подите со мною: племянница моя вчера занемогла, и какая у нее болѣзнь, не знаю.“ — Я пошелъ за старухою; она привела меня въ свой домъ. Войдя въ порядочно убранную комнату, увидѣлъ я больную на постелѣ. Хочу осмотрѣть ее.

Лице ея съ перваго раза меня поразило. Поглядѣвъ на нее нѣсколько времени, я узналъ въ ней ту самую плутовку, которая подъ именемъ Камиллы такъ славно меня подцѣпила. Но она, казалось, меня не узнала, отъ того ли, что была изнурена болѣзнію, или отъ того, что въ лѣкарскомъ платьѣ узнать меня было трудно. Взявъ ея руку, чтобы пощупать пульсъ, примѣтилъ я на пальцѣ у нее свой перстень. Я пришелъ въ ужасное движеніе, увидя вещь, которую отнять былъ въ правѣ, и мнѣ смертельно захотѣлось попытаться, не

льзя ли ее достать. Но, полагая, что эти женщины начнутъ кричать, и что Донъ Рафаель, или другой какой нибудь защитникъ прелестнаго пола, можетъ на крикъ ихъ прибѣжать, если потребую у нее назадъ свой перстень, рѣшился я лучше притвориться; а послѣ посовѣтоваться о томъ съ Фабриціемъ. Между тѣмъ старуха приступала ко мнѣ съ вопросомъ, чѣмъ ея племянница больна? — Я не такъ былъ простъ, чтобы признаться, будто ничего не знаю; напротивъ того, выдавая себя за искусника, и подражая моему господину,

сказалъ съ важностью, что болѣзнь ея произошла отъ недостатка испарины, и что самое лучшее средство—пустить ей поскорѣе кровь. Приказалъ также давать теплую воду, чтобы не отступить ни въ чемъ отъ нашихъ правилъ.

Отдѣлавшись, сколько можно было скорѣе, побѣжалъ я къ Нуннецову сыну, котораго засталъ уже на лѣстницѣ: онъ шелъ исполнить порученное ему отъ господина дѣло. Разсказавъ ему о новомъ моемъ приключеніи, спрашивалъ его совѣту, не велѣть ли взять Камиллу подъ стражу черезъ служи-

телей полиціи?—„Избави Боже! отвѣчалъ онъ: ты не воротишь своего перстня. Эти люди не любятъ отдавать назадъ. Помнишь ли, какъ ты былъ въ Асторгской тюрьмѣ: лошадь твоя, деньги и даже платье, не осталось ли все въ рукахъ ихъ?—Придумаемъ-ка лучше сами, какъ бы возвратить твою пропажу. Я берусь найти какую нибудь хитрость, и подумаю о томъ, идучи въ госпиталь: мнѣ надобно сказать тамъ слова два подрядчику, отъ имени моего господина. А ты поди въ трактиръ и подожди меня немного: я скоро приду туда.“

Я ждалъ его около трехъ часовъ. Наконецъ пришелъ и онъ, перерядившись такъ, что я насилу могъ узнать его. Волосы заплелъ онъ въ косу, а накладные усы закрывали половину его лица. У него была большая шпага, которой ефесъ имѣлъ въ окружности по крайней мѣрѣ три фута. За нимъ шли пятеро такихъ же удальцовъ, какъ онъ, съ густыми усами и длинными шпагами. — ,,Къ вашимъ услугамъ, господинъ Жилблазъ! сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ. Я Алгвазилъ новой фабрики; а эти молодцы, пришедшіе со

мною, полицейскіе служители такогожъ разбора. Проводите только насъ къ женщинѣ, которая украла перстень, и я ручаюсь, что мы его достанемъ."—Узнавъ изъ словъ Фабриція хитрость, которую онъ намѣренъ былъ для меня употребить, я обнялъ его и сказалъ, что эта выдумка мнѣ очень нравится. Поклонился также и поддѣльнымъ полицейскимъ. То были три лакея и два цырюльника, Фабриціевы друзья, которыхъ онъ подговорилъ для своей комедіи.—Я велѣлъ подать вина, чтобъ поподчивать господъ полицейскихъ.

При наступленіи ночи мы всѣ вмѣстѣ отправились къ Камиллѣ. Постучались у воротъ. Старуха отворила ихъ, и почтя молодцовъ моихъ за настоящихъ полицейскихъ, которые вошли къ нимъ въ домъ не безъ причины, ужасно испугалась. „Не бойся, матушка, сказалъ ей Фабрицій, мы здѣсь не за важнымъ дѣломъ и кончимъ все какъ разъ!"—Потомъ пошли мы далѣе, и въ комнату къ больной. Старуха шла впередъ со свѣчей, которая воткнута была въ серебряномъ подсвѣчникѣ. Я взялъ у ней подсвѣчникъ, подошелъ къ постелѣ, и показавъ лице свое Камиллѣ,

сказалъ: „Плутовка! узнаёшь ли ты Жилблаза, того самаго простяка, котораго ты обманула? А! бездѣльница, наконецъ попалась въ мои руки! Я на тебя жаловался Коррежидору, и онъ приказалъ этому Алгвазилу взять тебя подъ стражу. Господинъ офицеръ—сказалъ я обратясь къ Фабрицію—начинайте свое дѣло!"—Напрасно, отвѣчалъ онъ громкимъ голосомъ, напоминать мнѣ мою должность! Я не забылъ еще эту проказницу: она давно уже замѣчена красными буквами въ моей записной книжкѣ. Вставайте, сударыня, прибавилъ онъ; одѣньтесь

поскорѣе. Я буду вашимъ кавалеромъ, и провожу васъ, если вамъ не противно, въ городскую тюрьму.

Тогда Камилла, видя, что двое полицейскихъ съ большими усами готовятся насильно стащить ее съ постели, приподнялась, при всей своей болѣзни, — съ покорностью сложила руки, и смотря на меня исполненными ужаса глазами, сказала: „Господинъ Жилблазъ! сжальтесь надо мною! Заклинаю васъ цѣломудріемъ вашей родительницы! Я очень виновата передъ вами, но еслибъ вы знали какъ я несчастна! Отдамъ вашъ перстень, толь-

ко, ради Бога, не погубите меня!" — Тутъ она сняла съ своего пальца перстень и отдала его мнѣ. Но я отвѣчалъ, что тѣмъ еще не доволенъ; а хочу, чтобъ возвратили мнѣ и тысячу червонцевъ, которые украдены у меня на постояломъ дворѣ. „Ахъ, сударь, сказала она, червонцевъ отъ меня не требуйте! Бездѣльникъ Донъ Рафаель, котораго я съ тѣхъ поръ и не видала, унесъ ихъ въ ту же ночь."— О! моя милая, вскричалъ Фабрицій, не думаешь ли отъ насъ отдѣлаться только отговоркою, что не участвовала въ показанномъ дѣ-

лѣ? Нѣтъ, такъ легко съ нами не развяжешься! — Ты была за одно съ Дономъ Рафаелемъ, а этаго довольно, чтобы потребовать у тебя отчета и въ прежнихъ твоихъ поступкахъ; совѣсть твоя должна быть очень не чиста. Въ тюрьмѣ ты покаешься во всемъ. Мы возьмемъ также съ собою и эту добренькую старушку. Она вѣрно знаетъ множество любопытныхъ анекдотовъ, которые Коррежидоръ съ удовольствіемъ послушаетъ.—

Тутъ обѣ женщины принялись насъ всячески упрашивать. Крикъ, рыданіе и жалобы ихъ раздавались по

комнатѣ. Между тѣмъ, какъ старуха, стоя на колѣняхъ, то передъ Алгвазиломъ, то передъ служителями полицейскими, старалась привесть ихъ въ жалость, Камилла просила меня самымъ трогательнымъ образомъ спасти ее отъ рукъ правосудія. Я притворился тронутымъ, и сказалъ Фабрицію: „Господинъ офицеръ, ужь перстень у меня, такъ я и не тужу о прочемъ. Оставьте эту бѣдную женщину: я не ищу погибели грѣшника.“ — Не стыдно ли, отвѣчалъ онъ, быть такъ жалостливу; вы не годитесь въ сыщики. Мнѣ надобно

окончить свое дѣло. Я имѣю строгое приказаніе непремѣнно взять этихъ обманщицъ. Господинъ Коррежидоръ хочетъ наказать ихъ примѣрно.—,,Пожалуста, прервалъ я его, уважьте хоть мою просьбу, и отступите немножко отъ вашей должности: онѣ вамъ сдѣлаютъ подарокъ."—О! это другое дѣло, отвѣчалъ онъ; и очень кстати! Посмотримъ, что мнѣ подарятъ?—,,У меня есть жемчужное ожерелье, сказала ему Камилла, и дорогія серьги."—Хорошо! прервалъ онъ съ грубостью; ежели только не съ Филипинскихъ острововъ, а то мнѣ этакихъ не надо-

бно! — „Возьмите ихъ, подхватила она, клянусь вамъ, что онѣ не поддѣльныя.“ — И тотчасъ приказала старухѣ принесть ящичекъ, изъ котораго вынувъ ожерелье и серьги, отдала ихъ господину Алгвазилу. Хотя онъ въ дорогихъ каменьяхъ столько же зналъ толку, какъ и я, однако не сомнѣвался, чтобъ каменья въ серьгахъ и жемчугъ были не настоящіе. — „Эти вещи, сказалъ онъ, разсмотрѣвъ ихъ со вниманіемъ, кажется, чего нибудь стоятъ; а когда прибавятъ къ нимъ серебряной подсвѣчникъ, который въ рукахъ у госпо-

дина Жилблаза, то я не посовѣщусь уже преступить свою должность"—Не думаю, сказалъ я Камиллѣ, чтобъ вы пожалѣли такой бездѣлицы для своего избавленія. — Потомъ вынувъ свѣчу и отдавъ ее старухѣ, отдалъ я подсвѣчникъ Фабрицію. Будучи тѣмъ доволенъ, потому что не замѣтилъ въ комнатѣ больше ничего такого, чѣмъ бы могъ еще поживиться, онъ сказалъ: „Прощайте, мои милыя, будьте спокойны. Я доложу господину Коррежидору, и сдѣлаю васъ бѣлѣе самаго снѣгу. Мы мастера толковать ему все, какъ намъ захочется, и то-

гда только говоримъ предъ нимъ правду, когда ничто не принуждаетъ насъ солгать.“—

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Le Sage, Alain René,

Gil Blas de Santillana

Bd.: 1

St. Petersburg (1819)

P.o.gall. 1257 n-1/2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10093798-0